

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 11 (49)/2011
НОЯБРЬ

Вячеслав ПРОТАСОВ
с. 12

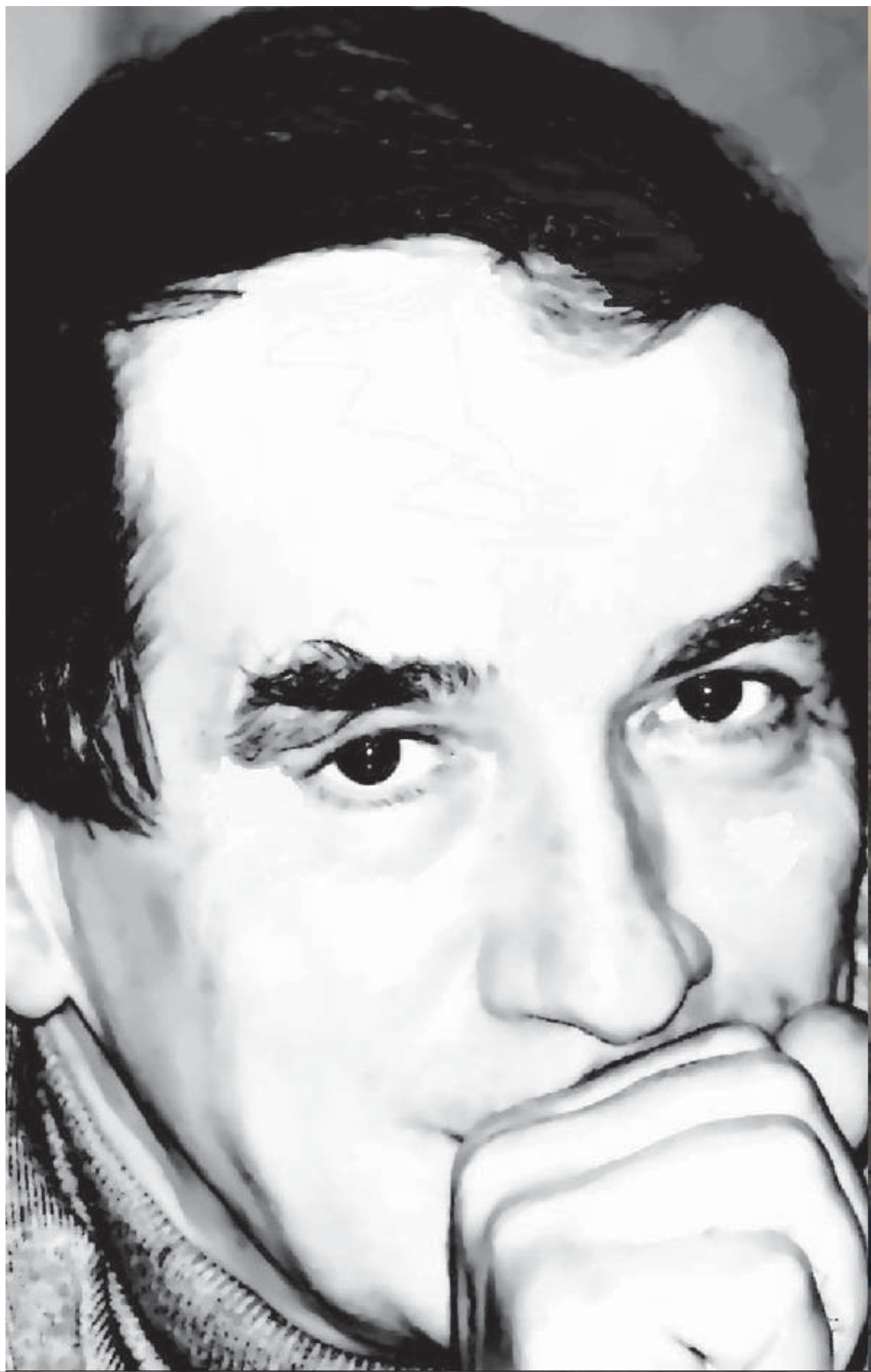

Фото Эльвиры КОЧЕНКОВОЙ, г. Владивосток

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»
Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.

Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Николай ЗИНОВЬЕВ,

Юрий КАБАНКОВ,

Валентин КУРБАТОВ,

Руслана ЛЯШЕВА,

Георгий НАЗИМОВ,

Вячеслав ПРОТАСОВ,

Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 6 печатных листов.

Тираж 600 экз.

Номер подписан в печать по графику и фактически 20 октября в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Ноябрь 2011 года

№ 11 (49)

- с. 2. Колонка редактора.
- с. 3. Путеводитель. Руслана ЛЯШЕВА
- с. 8. Драматургия. Максим ЗАРЕЗИН
- с. 12. Поэзия. Вячеслав Протасов
- с. 13. Поэзия. Светлана СУСЛОВА
- с. 14. Поэзия. Сергей БАРАБАШ
- с. 15. Эхо прошлого века. Александра ПОЗДНЯКОВА
- с. 18. Из первых уст. Андрей УГЛИЦКИХ
- с. 20. Проза. Жанна РАЙГОРОДСКАЯ
- с. 22. Истоки. Вячеслав СЕРИКОВ
- с. 23. Поэзия. Дмитрий СОСНОВ, Владимир ЛЮКОВ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Следующий (декабрьский) номер «Литературного меридиана» — не просто итоговый в текущем году, он — пятидесятый по счёту со дня основания нашего издания.

По мнению сотрудников редколлегии и членов общественного совета, это событие не рядовое, это — прекрасный информационный повод для того, чтобы общими усилиями авторов, читателей, творческого актива редакции и людей, имеющих непосредственное отношение к тиражированию «Литмеридиана» — печатников типографии, сделать юбилейный номер нашего издания особенным, ярким и запоминающимся и по содержанию, и по оформлению.

Не стану таить греха, полиграфическое оформление «Литературного меридиана» упрощено до минимума, номер выходит в свет на газетной бумаге, качество фотографий и рисунков, используемых для публикаций, зачастую оставляет желать лучшего, даже несмотря на усердие и немалые усилия профессиональных типографских работников. К сожалению, не всё зависит от ничем не подкреплённого желания творить (в нашем случае – выпускать литературное издание), нужно делать скидку на дороговизну качественной полиграфии.

Некоторые из наших читателей признаются в письмах, что выписывают «Литмеридиан» не за красивую обложку, но за то, что на страницах ежемесячника можно прочитать замечательные стихи современных русских поэтов – Николая Зиновьева, Вячеслава Протасова, Максима Лаврентьева, Владимира Тыцких, Александра Егорова, Веры Гундаревой, Владимира Монахова и других. Другие ценители отечественной словесности не могут пройти мимо яркой прозы Лидии Сычевой, Николая Березовского, Сергея Юдинцева, Людмилы Берестовой, краеведческих статей Анастасии Караваевой, обзорных зарисовок Ольги Левашовой. Третьи читатели в восторге от литературоведческих и критических статей Юрия Кабанкова, Виты Шафронской, Русланы Ляшевой, Валентина Курбатова.

Я глубоко убеждён, что лучшей оценкой работы редколлегии и являются добрые отклики наших читателей, однако меньше всего мне хотелось бы предаваться самолюбованию и (не дай Бог!) – самовосхвалению.

Не смотря на многие трудности и некоторые достижения, «Литературный меридиан» имеет перспективы развития: впереди новые горизонты и интересные встречи с русскими писателями.

Возвращаясь к вышесказанному, спешу озвучить своё предложение по изготовлению юбилейного номера «Литературного меридиана». Для того, чтобы «Литмеридиан» вышел в свет на белой бумаге, с яркой полноцветной обложкой необходимо около 15.000 рублей. Быть может, в наших силах всем миром собрать по 100, 200, 500 рублей – кто сколько сможет? Почтовые расходы по рассылке юбилейного номера редколлегия возьмёт на себя (а это тоже немалая сумма – почти 3.000 рублей). Когда ещё представится случай отмечать юбилей издания?

ВНИМАНИЕ!

Продолжается подписка на наши издания.

	полгода	год
«Литературный меридиан»	300 руб.	500 руб.
«Литературный меридиан» + газета «Былина»	320 руб.	520 руб.
газета «Былина»	150 руб.	300 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Костылева Владимира Александровича** по адресу издания:

**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся **НЕ НЕСЕТ**.

Приглашаем к сотрудничеству региональных представителей.

Редколлегия

Владимир Костылев

РЕАЛИЗМ БЕЗ БЕРЕГОВ? И ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!

Руслана ЛЯШЕВА,
г. Москва

ПУШКИН — НАШЕ ВСЁ

Цифра в статье «Необманная поэзия» **Александра Боброва** меня поразила: «...на портале Стихи.ру публикуется более 400.000 поэтов – целая армия» («Советская Россия», № 89, 2011). Представить невозможно. В стране демографический спад, а количество «Пушкиных» выросло почти до полумиллиона! А что? Пушкин – не Пушкин, но талантливых поэтов немало; на фестивале русской словесности и культуры в Борисоглебске, о котором поведал публицист, поэт и бард Бобров, такие были: учитель **Алексей Шевченко**, егерь **Николай Нырко**, подводник и бард **Сергей Соколов** и другие – воронежцы, рязанцы, москвичи, новосибирцы – люди «разнообразных профессий, жизненных устремлений», по наблюдениям автора статьи. Замечательно!

Но в поэтической «армии» – почти полмиллиона – количество портит общее впечатление о качестве современной поэзии. Первое, что бросается в глаза, если читаешь много стихов (в патриотических или либеральных изданиях – без разницы), это стенания о несчастной любви. Не надо далеко ходить за примером. Возобновил свои публикации хороший журнал «Проза с автографом» (М., 2010), и поэзия тут, конечно, есть, куда же без поэзии. Пять журнальных полос занимает подборка стихов **Сергея Шумилова**. Раньше в народных частушках был популярный жанр – «страдания», в него произведения «страдальца» укладываются как по заказу:

...в сущности всё абстрактно:
и окно, и мост, и берег твой,
до которого так хотелось рукой
дотронуться и умереть!
«Берег твой»

«А если это любовь? – воскликнешь произвольно
и добавишь: – несчастная!»

Молчит упрямый телефон,
и ожиданье паутиной
повисло на углах картины,
стирая в небе дым и дом...
«В ожидании телефонного звонка»

Лирического героя одолевают эротические ассоциации:

Сквозняк
холодною рукой ласкает
обнажённость штор.
«Мне не даёт покоя... осень»

Тяжело бедняжке, но надежда, как говорится, уходит последней, и она ещё не ушла:

мосты срывая, выхожу из берегов
и разливаюсь в поисках спасенья,
впитать стараясь аромат стихов,
написанных не мной, тем ярче ощущение
звучащих вдалеке, как эхо, слов,
граничащих с землетрясеньем,
дарующих надежду на любовь!
«Я распускаю армию грехов»

Любимая, однако, особа – жестокосердная:

Ты смотришь в даль, в ней нет меня...
«Предлог остаться в памяти твоей»

Серпантин страданий разворачивается от стихотворения к стихотворению, и конца и края этому не видно:

Я бежал от себя...
и к тебе возвращался.
«Возвращение»

Странное размышление приходит на ум. Как непохожи любовные терзания Сергея (или его лирического героя?) на страдания всем нам хорошо известного героя. Евгений из «Медного всадника», узнав о гибели «Параши», пришёл к императору и погрозил основателю города на гиблом месте: «Ужо тебе!». Дерзость бунтаря была мгновенно наказана безумием.

...И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя
Мгновенно гневом возгоря,

Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой –
Как будто грома грохотанье –
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы не обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Пушкин через сюжет несчастной любви Евгения вышел на размышления державного масштаба. Два начала – высшая государственная власть, коей облачен император **Пётр I**, и народ, предоставленный бедным скромным чиновником («где-то служит»), притягиваются друг к другу и одновременно противодействуют, ограничивая превышение власти царём и удерживая от бунта народ. Поэт видит, что история движется между Сциллой и Харибдой, между деспотией и бунтом.

Вот в какой сложный узел исторических взаимоотношений государственной власти и русского народа завернулась в «Петербургской повести» Пушкина несчастная любовь Евгения. И в каких простых и прозрачных словах выражена мысль. Поистине, Пушкин – наше всё! И на все времена!

НА ПУШКИНА НАДЕЙСЯ, И САМ НЕ ПЛОШАЙ

После любовных треволнений, когда – вспомним слова **А. Твардовского** – «в мире зло несытое» («Дом у дороги», М., 1985), отрадно взгляду и душе встретить в стихах публицистику – скромную и озабоченную страданиями других людей. Таких поэтов, слава Богу, немало!

Небольшое стихотворение **В.С. Сворцова** уже названием «На Сенной» (историко-литературный альманах «На русских просторах», выпуск 3, С.-Петербург, 2008) отсылает нашу память к **Некрасову**, который в часу шестом зашёл на Сенную, «там били женщину кнутом, крестьянку молодую. Ни звука из её груди, лишь бич свистел, играя», и дальше идут слова, выразившие манифест и кредо народного защитника. И какой искренний пафос: «И Музе я сказал: смотри, сестра твоя родная».

Перекличка нашего современника и классика не только в названии, но и – главное! – в пафосе стихотворения, оно у Сворцова тоже – манифест, и тоже народного защитника.

Так что ж, печаль, меня ты гложешь
и в сердце прячешься, как мышь.
Моя ль вина, что вновь разруха,
что с тощей сумкой по Сенной
бредёт блокадница-старуха,
как символ Родины больной?
В ней веры нет уже и силы.
Дрожит, как верба у межи...
Её Россию заразили
болезнью праздности и лжи!
Моя ли в том вина слепая,
что посреди Сенной стоит,
награды праведных скупая,
в песцовой шубе троглодит?

С питерским поэтом Сворцовым вступает в диалог поэт **Леонид Гержидович** – коренной сибиряк, член Союза писателей России, проживающий в деревне Юго-Александровке в Кузбассе. Из его подборки в журнале «Огни Кузбасса» (№ 2, 2011) приведём тоже полностью стихотворение «Поэт XXI века».

У народа невостребован поэт,
Там нужда, и нищета, и беспросвет.
В развалюхе у заброшенной стрехи
Горько плачут беспризорные стихи.
Мысли путные плутают в стороне
Недоступные, как горы на луне.
А по виллам нувориши и тузы,
Пузо – во! И наглый взгляд, как у козы.
И у них и впереди, и сзади «бля» –
Мельтешеньё бесконечного рубля.
За спиною сто пороков, сто грехов...
Где таким вот опуститься до стихов?
Леший с ними! Самому б прожить в чести.
Коровёнке вдоволь сена нагрести,
Огород поднять, повылущить горох,
Чтоб зимою от бескормицы не сдох.
Никому плохого слова не скажу,
А стихи прибрежным ивам напишу.
Слово к слову, как поленицу сложу
И у речки, как на троне, посижу.

Поэт из нашей северной столицы и сибиряк – оба болят душой за народ («там нужда и нищета»). Гержидович смягчает «беспросвет» мягким юмором, интонация его стиха более оптимистична, нежели у Сворцова, возможно потому, что он уже вернулся в деревню и крепко стоит ногами на земле (огород, речка, коровёнка), а Сворцов в других стихах той же подборки, откуда приведено «На Сенной», только мечтает о «дороге домой», в родную деревню.

У московского поэта **Юрия Хренова** публицистика – гражданская лирика, другими словами, – определяет содержание не подборки, а целого сборника «Без русских не бывает России...» (Стихи разных лет. Москва, Новый ключ, 2011). Он пятьдесят лет писал стихи. Работал слесарем на подмосковном заводе «Электросталь», служил матросом на Черноморском флоте, окончил факультет журналистики МГУ и по-

том четыре десятилетия «пахал» на ниве просвещения собкором АПН, в «Известиях», возглавлял журнал «Российская Федерация сегодня». Выйдя теперь на пенсию, Хренов издал эту книгу, вроде бы первую, собрав свои лучшие стихи разных лет.

Лейтмотив сборника – в концовке стихотворения «Без русских не бывать России»:

Без русских не бывать России,
Но что же делать – где ответ? –
Коль ныне нас ни в прежней силе,
Ни в прежней правде больше нет?

Ответ – возродиться! Стране, России, народу русскому и всем нашим евразийским народам и племенам. Твердит автор сборника из одного стихотворения в другое%

Страна моя! Что будет дальше:
Поднимешься из нищеты?
Восстанешь против лжи и фальши?
Или под ними сгинешь ты?

Народ мой, сдавшийся на милость
Чужим и собственным ворами!
Уже ты понял, что случилось
И что сегодня делать нам?

Вставай, родной! Не жди подарков
От этой шайки воровской.
Где Минин твой? Где твой Пожарский?
Где Сергей Радонежский твой?

В книге отчётливо выражены те же ориентиры, что у В. Скворцова и Л. Гержидовича, а именно: Некрасов, Твардовский и, между прочим, **Маяковский**. Вот как лаконично обозначена большая традиция, на современном сленге – мейнстрим (т.е. главное течение – в переводе с английского).

С народом шутки плохи:
Он, если и молчит,
Всегда, во все эпохи
Историю творит.

В стихотворении «Кукловодам» напоминает Ю. Хренов олигархам, что историю творят не они, истинный творец истории – народ. Ещё не вечер.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Гражданской лирикой, конечно, поэзия не исчерпывается. Не хлебом единым жив человек; поэзия охватывает публицистику, искусство, философию, богословие и много ещё чего, открываясь каждому стихотворцу той гранью, которая родственна его дарованию.

Вот книги четырёх авторов.

Людмила Суворова, музыкант из Кирова, забрела

в соседнюю с музыкой сферу – в поэзию, как «эстетика». Любопытно же созерцать перетекание образов из живописи в поэзию, затем – в музыку и в богословие. «Похвала пустыне» (Вятка, 2010) – четвёртая книга, в которой собраны стихи, написанные за последние три года. Здесь – игра воображения, сюжет – вымысел, искусство – праздничный фейерверк жизни. Герои её стихов перекликаются то с **Н. Клюевым**, у которого «трезвонит» лесной пономарь», а ему вторит сестра Марина-Маргарита, дескать, «как легко в лесу молиться! Зелёный храм, воздушный свод», то со святым Франциском, о приходе коего «сорока обронила, пролетая», и героиня видит «звук в прозрачной тишине», а затем и он:

Тонзура, нимб, монашеское платье.
И вот уже спешу Тебя обнять я.
Все люди, травы, птицы, звери – братья.
Привет Тебе, и не было ста лет!

У Суворовой Бог всех и всё соединяет воедино – людей, природу и искусство:

Соло гобоя, щемяще –
не плачь, Бог с тобою! –
Ангел метели, застывший на миге вступленья
И – дирижёр, осеняющий
крестным знаменем!..
«Тема с вариациями»

Все стихи Людмилы Суворовой – это искусство, её главная тема, воплощённая в различных вариациях, рождающих у читателя ассоциации с полотнами **Леонардо да Винчи**:

отныне, сестра Елена Франческа,
ты, Горностаи и Единорог –
полотно, гобелен или фреска.

С картинами **Ван Гога**. Со стихами **Рембо** и **Ли Бо**. С арией Тоски. Народ в таких случаях говорит: «Красиво жить не запретишь». Глас народа, как известно, – Божий глас.

Поэт из Новокузнецка **Любовь Никонова** не просто перекликается с Клюевым, она сегодня продолжает традицию целого направления, о котором авторы предисловия книги стихотворений и поэм «Песнослов» (Петрозаводск, Карелия, 1990) **Сергей Субботин** и **Иван Костин** высказались так: «Все они – и **Сергей Клычков**, и **Александр Ширяевец**, и **Сергей Есенин**, и **Пётр Орешин** – были крестьянского происхождения... Так начало складываться одно из значительных направлений отечественной поэзии 10-20-х годов нашего столетия, получившее в истории литературы не самое удачное название «новокрестьянская поэзия». Его основателем и лидером по праву считается Николай Клюев...». Конечно, напрашивается добавление ещё одного имени в прекрасный и скорбный список – **Павла Васильева**, разделившего с другими траги-

ческую судьбу репрессированных и посмертно реабилитированных.

Может быть, слишком завышаю планку, ведь продолжать поэтическую стезю Клюева или Васильева даже очень одарённому нашему современнику – Люба Никонова поэт с искрой Божией – осуществимо ли? Открыть ли страницы исторической поэмы «Погорельщина» (1928 г.) Клюева о самоожжениях старообрядцев в эпоху **Никона** и **царя Алексея Михайловича** или углубиться в чтение «Песни о гибели казачьего войска» (1929–1930 гг.) Васильева – значит с головой окунуться в поток огненно-метафорической лавы. В стихе того и другого неразрывно переплелись дух русского и казачьего православия с язычеством древнего славянства. Несколько строк из «Погорельщины» Клюева: «И молвил свекор: "Всемогущ // Кто плачет кровию за тварь! // Отменно знатной будет гарь, // Недаром лоси ломают роги, // Медведи, кинувши берлоги, // С котятками рябая рысь // Вкруг нашей церкви собрались! // ...Пускай помолятся за нас!>". Каково, а? Так о непокорности православного крестьянина написано накануне коллективизации, за этот непокорный дух его через 10 лет – в 1938 году – расстреляли. Не менее актуально оплакал казачье войско Васильев, за что, согласно легенде, был забит до смерти на допросах. Словом, выкорчёвывали «новокрестьянскую поэзию» безжалостно, лишая нашу военную литературу ненаписанных замечательных стихов и поэм, наверно, равноценных «Василию Тёркину» Александра Твардовского. А корешки-то всё же остались, и теперь прорастают новыми поэтическими побегами. Пора-пора! Крестьянству ныне, пожалуй, не легче, чем в коллективизацию.

Книга стихотворений Любви Никоновой «Над звёздами горящая звезда» (Кемерово, Сибирский писатель, 2006) очень удачно дополнена книгой прозы «Мир благословенный» (Кемерово, Сибирский писатель, 2006), которая по сути стала автокомментарием к её стихам.

Во втором разделе книги прозы Никоновой первая глава называется «Хождение по святым местам», первая же строчка – о церкви и вере: «Белокаменная церковь в поволжском селе Владимировка, на моей родине, внешне похожа на московскую церковь Вознесения Господня у Никитских ворот, на ту самую, в которой венчался Пушкин. Близки они и по возрасту (сооружены на рубеже 30-х годов позапрошлого столетия). Двадцатый век принёс им много скорбей. Столичная церковь только в наши дни обретает себя вновь. Ну, а храм в моём селе, храм в честь святого равноапостольного великого **князя Владимира** уже сравнительно давно соответствует своему духовному назначению, хотя в 30-е годы не избежал общей участи: колокол его был сброшен с колокольни и разбит, а помещение храма приспособили под «общий двор» для колхозных быков. После войны за открытие церкви во Владимировке хлопотала неграмотная крестьянка **Настасья Зайчикова**. Она прошла все возможные коридоры власти и добилась своего. Благодаря ей вернулся во Владимировку храм, один на

сто вёрст, на десятки окрестных деревень, один на всю самарскую, наполненную зримым голубоватым воздухом, степь... Моё детство заполнено тихими шагами странников, паломников и богомольцев, притекавших во Владимировку со всего Среднего Поволжья».

После «автокомментария» приведём стихотворение из книги «Над звёздами горящая звезда» – о вере в Христа.

Мне хорошо на белом берегу.
Я в сердце лёгкий пламень берегу
И, отражаясь в будущем и бывшем,
Гуляю перед озером застывшим.

Безлюдная, безмолвная страна.
Все разлетелись. Я давно одна.
Душа молчит в невыразимой вере,
Любуюсь зимним светом в атмосфере.

И бесконечна и прозрачна даль.
И тонкий иней блещет, как хрусталь.
Но слышу вдруг «в тиши уединенья»
Святые ноты ангельского пенья...

То голоса любви и торжества.
То весть о приближенье Рождества.
И лёгкий пламень в середине сердца
Уже горит у ног Богомладенца.

И я сказать бесхитростно могу:
Как хорошо на белом берегу!
Событиями Божественного срока
Живёт душа. Она не одинока.
1999-2002

По стилистике у Никоновой с Клюевым, конечно, ничего общего нет: у него – сгущенная метафоричность, у неё – символизм библейской детали в современном предмете. Зато в каждой букве и запятой у них – одинаковая глубочайшая народность. Клюев родился в семье старообрядцев (мать из их среды), а православные корни Никоновой столь же глубоки: «Я спросила у матери, не было ли в нашем роду каких-либо калик перехожих и странников, и узнала о маминной прабабушке Лексе (**Александре Андреевне Швецковой**), ходившей и в Троице-Сергиеву Лавру, и в Киев, и в северные края, на Белоозеро... Выходит, наши маршруты совпадают! Выходит, информация о трёх источниках благодати, к которым принадлежала Лекса, не исчезла с её исходом, но благополучно передана по лабиринтам крови мне, её далёкой праправнучке: бери, узнавай, иди... Ступай с Богом!» («Благословение», с. 212).

Дух, согласно пословице, дышит, где хочет. Вздумалось ему подышать в либеральном журнале «Знамя» (№ 2, 2010), в стихах поэта из Пермского края; их автор **Антон Бахарев-Чернёнок**.

У Антона нет в стихах библейского символизма Никоновой или метафорическо-старообрядческой

страстности Клюева, но у него непроизвольно в характере (собственном или лирического героя?) выражен христианский менталитет, та его сторона, которая соответствует апофатическому богословию (Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. С.-Петербург, 1997), то есть через ряд отрицаний достигается положительный эффект: не то, не то и нетто – есть Бог (Катафатическое богословие – ряд утверждений завершается положительным эффектом: созерцание в образах мира первообраза, Бога). По методике «отрицания» – апофатическая стилистика – строятся стихи пермского поэта. Стихотворение «Северная элегия» чередует «негативные» портреты рыбаков с неуютными (лёд не сошёл) пейзажами реки, а концовка – благостная:

...В реке, как будто знак вопроса...
Его стирает ночь. Так просто
Обозначая свой ответ.
Но я пока ещё ползу
По ветке, и пока не с краю,
Я в памяти перебираю
И узнаю всех по лицу –
Ивана, Сашу, рыбака –
В промозглом ветреном апреле...
И пепел сыплется с котельной,
И живы мы ещё пока.

Пожалуй, даже жизнерадостная концовка: «И живы мы ещё пока!». Между прочим, в современной русской литературе «апофатическая» стилистика ещё недавно была в большой моде в столице; теперь, как видим, на неё появился спрос в регионах. Дай-то Бог, чтобы пошло на пользу литературе и через неё человеку.

Оригинальность стихотворений **Владимира Костылева** в книге «Семнадцать ступеней» (Арсеньев, «Литературный меридиан», 2010) бросается в глаза сразу, когда прочтёшь обозначение жанра под названием – верлибры, а потом перейдёшь к поэтическим миниатюрам и обнаружишь, что они написаны в стиле популярных жанров японской поэзии – танка (короткая песня) или хокку (также хайку – ещё более коротко). Близость города Арсеньева Приморского края к Японии сказалося на жанре, соединившем Запад с Востоком: верлибр с хайку.

Познакомившись в «Краткой литературной энциклопедии» с определением двух древних японских жанров, я поправила: соединение верлибра с танка.

Очарованный стихами Ду Фу,
оставлю всезнайкам
споры о пользе и неуместности
созерцания снов
и поспешу на рассвете
заблудиться в дюнах.

А что? Всё как у японцев: пейзаж, недоговоренность, ассоциативность и тому подобное. Танка! И при

этом нет рифм, значит, верлибр. Но в то же время эти миниатюры – стихи русского поэта.

Прости, что я не
министр чего-нибудь там,
что никогда
не стремился стать
придворным миннезингером;

и даже Четьи Минеи
прочитал
лишь единожды за минувший век.

Почему русский? Во-первых, Четьи Минеи прочёл. Во-вторых, у Владимира Костылева, как и у Антона Бахарева-Чернёнка, имеет место быть «апофатическая» методика: мол, нет того, нет другого, а всё равно сам – положительный. Не так крупно, как Господь, поменьше, но для хорошего человека и такого вдосталь.

Годом раньше Владимир Костылев там же издал сборник миниатюр в прозе – «Два кофейных зёрнышка». В прозаических миниатюрах просвечивает один источник – народная мудрость. Для подтверждения «глобального» обобщения прочтём два отрывка из миниатюры «Здравствуй, Лариска!».

«Помнишь, как часто пишут из армии? «Вот выдалась свободная минутка, решил черкануть пару строк...» А дальше – пара строк плавно перетекает в лист-другой-третий. Смешно, конечно. И вроде написано ни о чём, а читать – приятно. Перечитывать – хочется».

«Дожди ли в твоём Торонто? Радуга ли Канадского водопада? Небо синей синевы? На Земле очень много разлук, милая. Пройдёт не так много мгновений, и снова – старым скрипучим пером, стараясь изо всех сил, я аккуратно выведу: «Здравствуй, Лариска...» Здравствуй».

Французы (со своими верлибрами) и японцы (с хайку) тут совершенно не при чём! А всё равно жизнерадостно! Читатель будет доволен, как я, например. Такие миниатюры настроение поднимают. Не хуже ничуть, чем «апофатическое богословие». Значит, обе книжки Владимиру Костылеву удалось.

P.S.

У **Роже Гароди**, французского писателя, философа и общественного деятеля, в 1963 году вышла книга «О реализме без берегов», споры о которой не утихали много лет, но вот «годы минули, страсти улеглись», как сказал Николай Некрасов по иному, естественно поводу. Художник **Пабло Пикассо**, писатель **Франц Кафка** и другие персонажи дискуссионной концепции уже стали классиками искусства XX века. Всем очевидно, что реализм и модернизм (постмодернизм) различают не художественные формы, а содержание: реалист возвышает человека, а постмодернист его «опускает». Значит, Роже Гароди был прав: реализм не имеет берегов (запретов и строгих догматов). Иначе наш сложный мир эпохи глобализации и антиглобализации реализм не отразит и не осмыслит. Стало быть, реализм без берегов? И замечательно!

ВОЗЬМИ СВОЙ ПОСОХ

Максим ЗАРЕЗИН,

г. Москва

И ИДИ

Драматическая фантазия в 4-х действиях.
/Продолжение. Начало в № 7 (45), 9 (47) 2011 г./
*Действие третье (действие происходит в
Подмосковье, в Болшево, 8 октября 1939 года)*

Позднее утро. Гостиная в дачном доме. В центре большой овальный стол. Стулья приставлены к столу. Два кресла-качалки. У одной стены буфет, у другой камин, на нем радио, играющее бодрые марши. За окном сосны. Рядом железная дорога – слышны проезжающие поезда. Сергей сидит в кресле-качалке. Механически смотрит в газету, но не может сосредоточиться, чтобы что-либо прочесть. Он подавлен. Входит Марина, садится на второе кресло, закуривает. Ее настроение постоянно меняется – от мрачной апатии до лихорадочного возбуждения, даже веселья. Длинная пауза. Они не смотрят друг на друга.

М. А где все?

С. Дети возьтятся на участке. Николай уехал в город. Нина у брата в больнице.

М. Пустота... Какая непривычная пустота. А кто же слушает это? (указывает на радио)

С. (делает неопределенный жест)

М. Дивный дом: буржуйский камин, советское радио, буржуйский паркет и вполне пролетарское отсутствие водопровода. (встает, выключает радио, садится)

...Да... Тишина еще ужаснее, чем эти слоноподобные звуки.

С. (осторожно) Сегодня твой день...

М. По советскому календарю? Да, да... Это справедливо, это правильно – у жены белогвардейского офицера и у жены агента НКВД должны быть разные даты рождения. Жена эмигранта осталась в Париже, жена чекиста живет в СССР. Все правильно. И больше не будем об этом. (переменяя тему, торопливо) Ты что читаешь? Газету? Там есть хорошие новости, не про войну?

С. (с некоторым облегчением хватается за газету, зачитывает). «Коллектив Аральского солетреста почти на 3 месяца раньше срока выполнил годовой план добычи и отгрузки соли».

М. А соли не мешало бы прикупить.

С. «В кузнечно-термическом цехе Ижевского металлургического завода работает кузнецом комсомолка товарищ Мошкина. Она отковывает сложнейшие детали для точных машин и систематически выполняет норму на 240-250%».

М. Бедная девочка. Хотя...

С. Завтра на могиле Брюсова траурный митинг под председательством Асеева. Кстати, он в восторге от твоих стихов...

М. (рассеянно) Кто, Брюсов? Ах, извини, продолжай...

С. Учреждена премия Горького за лучшее драматическое произведение.

Действующие лица.

Максимилиан Волошин – 36 лет (в 1913 г.)

Марина Цветаева – 21 год (46 лет в 1939-м)

Анастасия Цветаева, сестра Марины – 19 лет (в 1913 г.)

Сергей Эфрон, муж Марины – 20 лет (45 лет в 1939-м)

М. Напиши пьесу о комсомолке Мошкиной. Кузнице, кузне'чихе или кузнечи'хе?...

С. Есть стихотворение.

М. О чем же?

С. Называется «Пастух Михась»

М. Большевицкая пастораль?

С. Пастораль. О том как тяжело жил Михась в панской Польше, как он с радостью встречает советские войска и спрашивает, с ними ли Сталин.

М. А он с ними?...

С. «Он с нами! Здесь!», – сказал танкист, –

Он всюду, где народ!».

И ветер взял газетный лист

И дунул в разворот.

И ветер «Правду» развернул

И Сталин руку протянул!

М. И кто же сочинил это?

С. (заглядывая в газету) Михалков. Сергей Михалков.

М. (без тени иронии) Он верно тайный язычник.

С. (недоуменно оглядывается) Почему?

М. (делая неопределенный жест) Одухотворяет силы природы: ветер дунул, развернул, протянул...

С. (снова заглядывает в газету, но почти тут же отбрасывает, встает, подходит к окну, смотрит на улицу, говорит сдавленно) Я вчера был в Москве... пытался навести справки об Ариадне... Многих обошел. Вернулся поздно... Но... Бесплезно. Все бесплезно. Извини, ничего не могу сказать ободряющего. На данный момент.

М. (отстраненно) Когда Алю увозили, она еще отшучивалась. И даже не попрощалась. А дворник сказал: «Долгие проводы – лишние слезы». Так трогательно получилось. Трогательный этот дворник.

С. В Москве на меня смотрели как на живого покойника: хотя и по-разному – одних живой покойник пугал, в ком-то даже вызывал участие, другие смотрели с любопытством – каково быть в этой шкуре. Или прикидывали – каково придется мне, если я окажусь на его месте. (пауза, вполоборота) Я написал письмо Берии о том, что Ариадна ни к чему не может быть причастна. Пока известий никаких.

М. (прислушиваясь) ... А что это за железное лязганье на улице?

С. Лязганье?... (вновь поворачивается к окну) Я подвесил на турнике физкультурные кольца для Мура, а ветер их сталкивает. Сильный ветер с самого утра... (оборачивается к ней, с отчаянием) Марина, ну что я могу сделать! Что!!!

М. Ничего страшного. Пускай звякает. Это всего лишь

ветер. Ветер дунул... Когда-нибудь он стихнет. *(неожиданно оживляется)* Сергей, когда ты приезжаешь туда на Лубянку, ты же показываешь постовому свое чекистское удостоверение, да?

С. *(не понимая)* Да, конечно...

М. А там в этом мандате твоём стоит твоя новая ... фамилия? Верно?

С. Да.

М. Твоя новая фамилия – Андреев?! *(почти радостно)*

С. *(неохотно)* Ну, это не то чтобы новая фамилия...

М. *(хохочет)* А, помнишь, я где-то писала по поводу того, что Боря Бугаев стал Андреем Белым. Мне казалось, поэт, сделав подобный шаг, должен разрываться между нареченным Борисом и созданным Андреем. Взять псевдоним – сознательно отречься от отчества. И не только от отца, но и от святого, от всех корней. Полная безнаказанность и одновременно беззащитность маски. И вот отныне ты – Андреев. Не Эфрон – Дурново, а товарищ Андреев.

С. *(в отчаянии)* Марина!...

М. *(продолжая свою мысль)* И что ты, кто мы. Как листья, оторванные от ветви бурей – несет нас ветром, болтает, как эти железные кольца – трень-трень...

С. Марина, если можешь, – прости меня! *(встает перед ней на колени)*

М. Но разве я тебя в чем-то виню?

С. Пусть так. Ладно. Но я, я виню себя. Виню во всем происходящем. И я себя никогда не смогу простить. Понимаешь?! Мне необходимо твое прощение.

М. Давай лучше оставим этот разговор. *(встает, принимается ходить)*

С. *(встает, отчаянно)* Я не понимаю: что это с твоей стороны – равнодушие, презрение. Очевидно, я все заслужил и даже более худшее. Пусть будет так – не прощай. Но молчать нет мочи. Столько всего передумано за месяц после ареста Али. Я должен высказаться. Пусть сбивчиво – сейчас не до складности. Завтра, через неделю, через месяц – меня все равно арестуют, это уже совершенно ясно. *(лицо Марины болезненно передергивается, она садится, снова закуривает)* Но там придется таиться, изворачиваться. А пока есть возможность, надо говорить правду. Или, по крайней мере, постараться. Только вот с чего начать, с чего?.. *(пауза)* Тогда с самого начала... Но где это начало? Ладно, начнем с весны 18-го. *(выходит на авансцену, говорит в зал, звучит военный марш, который постепенно удаляется)* В Новочеркасске я вступил в Добровольческую армию, тогда Макс написал мне что бороться с оружием в руках – не мое дело. «И за что драться теперь?», – спрашивал он. Я тогда просто ответил, что не разделяю его мрачного взгляда. Честно говоря, знал, что Макс с его безбрежным пацифизмом любой аргумент покажется неубедительным.

М. *(кивая головой)* Бедный Макс! Даже его мудрая мать ставила тебя в пример, когда ты засобирался на германский фронт – «Погляди, Макс, на Сережу, вот – настоящий мужчина! Война – дерется. А ты?». Но он не желал стрелять в германцев, как он мог благословить стрельбу по своим.

С. Но тогда в Новочеркасске я считал себя правым, полагал, что Макс в своем коктебельском далеке про-

сто не понимает суровости момента, не понимает, что оставаться над схваткой нельзя, что надо делать выбор. И вот уже в эмиграции, когда взялся за книгу о Белом движении и стал разбирать свои записи, перед мной вдруг снова встал тот самый макссов вопрос: «Ради чего!?». Только в прошедшем времени. Ради чего дрались – ради генералов, которые уговорили царя отречься, которые с Керенским разваливали армию, открыли дорогу большевикам, а после объявили им войну? Ради движения, которое не удалось внятно объяснить, за что борется – против чего, понятно – но во имя чего? И вот тогда я нашел, как мне казалось, спасительный выход: поднималось оружие ради Родины; Родины как идеи... не «федеративной» или «самодержавной», или «республиканской», или еще какой... Та, за которую умирали русские во все времена. Здорово, не правда ли? Но раз Родина абстрагируется до идеи, то отсюда остается шаг до принятия любого режима, который Родиной управляет. Я сам захлопнул за собой дверцу ловушки. *(пауза, поворачивается к Марине)* Помнишь, после приезда из России, ты прочитала несколько стихотворений из «Лебединого стана», а я тогда сказал, что все было совсем иначе – была братоубийственная и самоубийственная война, которую мы вели, не поддержанные народом; было незнание, непонимание нами народа, во имя которого, как нам казалось, мы воевали. Не «мы», а – лучшие из нас. Остальные воевали только за то, чтобы вернуть потерянное.

М. Помню. Все помню. И твои слова про чужой поезд помню. *(за окном нарастает шум приближающегося поезда)*

С. Да. Про забитую обезумевшими людьми станцию, когда чудом втискиваешься в вагон и вдруг со смертным ужасом осознаешь, что в роковой суете попал не в тот поезд... Что твой состав ушел с другого пути, а обратного хода нет – рельсы разобраны. Обратно, можно только пешком – по шпалам – и так всю жизнь. Почти пятнадцать лет, с момента приезда в Новочеркасск, мне казалось, что я без всякой надежды бреду по шпалам, и вдруг происходит чудо – я настигаю свой поезд, но когда, облегченно вздыхая, оглядываешься вокруг, то понимаешь, что опять ошибся и это уже неисправимо, это навсегда и новое чудо невозможно. Наша болезнь – я говорю наша, потому что подобных мне десятки и сотни, и тысячи – так вот, наша болезнь – идеализм, когда мир отвлеченных идей ближе реальной жизни. Это даже не болезнь, порча, зараза, которой мы были отравлены с самого рождения, которой были отравлены уже наши родители. Моя мать поменяла положение дочери генерала на судьбу революционерки – на нищету и лишения. Я всегда восхищался ее подвижничеством, бескорыстием. Но теперь я все чаще задумываюсь о другом: что знала она о жизни, умела ли ценить то, что ее окружало, делая решительный шаг. *(пауза, звучит вальс)* После смерти моего деда мы переехали в его дом. Настоящее дворянское гнездо: зала, с двумя рядами окон, колоннами и хорами; стеклянная галерея; зимний сад; портретная; расписные потолки; полукруглые окна. Сад с кустами сирени и жасмина, гротом и беседкой, в разноцветные окна которой весело било солнце. Для меня все это – милое, волшебное прошлое. А для мамы? Она так легко рвала

все связи с этим миром; не принимала эту жизнь, а другой попросту не знала... Отец – честный, благородный человек, но он же ... убийца. А ведь когда на убийство идет чистый человек; идет на преступление из благородных побуждений – это гораздо страшнее, чем, если бы он это делал ради наживы. И я пошел по его стопам. Пусть, я не нажимал на курок, но что от этого меняется. Что?... Ничего, ровным счетом. Но ведь я не подлец, не трус, не предатель...

М. (*подбирая слова*) Сергей, мы, наши близкие, попали в беду, мы грешны, но суть не в этом, а в том, что мы проиграли...

С. Невозможно играть со злом и выиграть. Вот почему был прав Макс. На самом деле он не ушел от выбора – он сделал верный выбор: не играть на стороне зла. Белые, красные, зеленые, правые, левые, центристы, коммунисты, антикоммунисты, демократы, либералы, консерваторы – все это многоликое, многоцветное зло. На любой цвет и вкус – чтобы заманить в западню как можно больше людей, чтобы никого, никого не пропустить. Ты можешь разочаровываться, менять убеждения, лозунги, знамена, переходить из одного лагеря в противоположный, быть прожженным циником или праведником, но оставаться на стороне зла к его великому удовольствию. От зла надо держаться подальше. Или бороться с ним, но бороться и победить можно только, различая истину и ложь, свет и тьму. Но для такой борьбы идеалист – фигура обреченная.

М. Хорошо. Наверное, мне не стоит об этом судить. Ты говоришь – идеализм – возможно, возможно... Но я существую, поскольку пишу, творю свой мир, в котором законы устанавливаю я. Я человек слова, но ты человек действия. Если Макс поступил верно, это не значит, что ты ошибся. Ты другой. Ты не в состоянии бездействовать, стоять в стороне. (*распалаясь*) Ты думаешь, я ничего не замечала, что в последние годы во Франции ты все больше погружался в дела с большевиками, что ты все теснее общаешься с темными личностями, что у нас откуда ни возьмись, появляются деньги. Ты думаешь, я ничего не замечала, или я настолько равнодушна. (*задумывается*) Хорошо – пусть даже равнодушна! Но как я могла вмешаться, с какими своими мерками могла судить тебя, поощрять или препятствовать. Я чувствовала, что мы вслед за тобой сползаем в пропасть, но я не могла судить – есть ли у нас иной путь. Да, после твоего провала вашей чекистской сети и бегства в Россию, наша жизнь превратилась в ад – когда я пришла на похороны Волконского, мне никто не подал руки. Никто! Все сторонились будто я прокаженная. Я не хотела возвращаться сюда, где все чуждо и враждебно. Невозможно вернуться в дом, который скрыт... Твой побег не оставил нам выбора – но был ли он у тебя. Потому я не смею судить. Не смею.

С. Человек действия... Смешно! Это ты сделала меня таким. И по праву можешь гордиться своим творением – чахоточный юнец совершал переходы по 65 верст в сутки, три месяца спал по три-четыре часа не раздеваясь, и выжил, похоронив почти всех боевых товарищей. А ведь они большей частью кадровые военные, прошли всю германскую... А выжил мечтательный интеллигент, позавчерашний гимназист. Благодаря тебе я погрузился в кровавый кошмар, и благодаря тебе я в

нем выжил. Благодаря вдохновению, силе, которую ты в меня вдохнула.

М. И ты полагаешь, что я все это выдумала? Не приписывай мне подобных подвигов. Нет, это все уже в тебе жило, я просто разглядела то, чего не замечали другие и ты сам.

С. А ты знаешь, что я пытался завербовать Андрея Владимировича Сологуба... Того самого, с чьей дочерью дружила Аля. Так я тебе расскажу... Я ездил к нему в Монако, где он работал в банке, напросился в гости, заводил разговоры о бесперспективности эмигрантской жизни, наконец, прямо предложил ему стать моим помощником. А когда он категорически отказался, написал письмо директору этого банка, разумеется, анонимное, в котором изобличил Сологуба как агента НКВД. Это качество ты то же во мне открыла?.. А я ведь тоже еще могу порассказать множество подобных занимательных историй!

М. (*пожимает плечами*) Тебе известно мое глубочайшее отвращение к политике и всему, что с ней так или иначе связано. Все это – грязь. Если ты вовлечен в политику, то не велика и разница – с какого бока и сколько грязи налипнет. А большевизм был мне отвратителен и в 17-м, когда ты боролся против него, и в 37-м, когда ты боролся за него. Когда вы с Алей рвались в Совдепию, и ждали от меня «прозрения». И снисходили к моей отсталости. Как же я благодарна за вашу деликатность.

С. Было не так.

М. Именно так. А я давно прозрела, так как не надо быть мудрецом, чтобы понимать: свобода, равенство, братство удел немногих, и когда меня уверяют, что эти дарами можно облагодетельствовать всех и каждого, ясно, что это либо чудовищное заблуждение, либо наглый обман. Но при всем при этом я встречала среди большевиков немало порядочных людей. А ты никогда не задумывался над тем, что Дон Кихот своими поступками только вредил тем, кому хотел помочь. Только кто в том виноват – Дон Кихот или условия, в которых он существует. Нелепые последствия его благородных порывов обличают нелепость этого мира, но не нелепость благородства.

С. Допустим. Ну, а если бы Дон Кихот стал замечать нелепости этого мира, перестал ли он быть благородным и перестал бы совершать благородные поступки. Думаю, не перестал. Только в этом случае они принесли бы пользу окружающим, а не вредили им. Чистые помыслы и порывы сами по себе наверное заслуживают похвалы, только дерево узнается по плодам. Одно дело книжные герои, другое – живые люди с их болью и отчаянием. Одно дело страдать одному, а другое – когда из-за тебя страдают самые близкие и дорогие. И если мои прежние взгляды и дела только увеличивали зло на этой земле, что за доблесть это скрывать, оправдываясь чистотой помыслов.

М. Ты так много говоришь об умении изобличить зло, о борьбе с ним, а в состоянии ли ты, либо кто иной, провести химически чистый опыт – разделить белое и черное, истинное и ложное. И все ли так однозначно. Разве темное не способно делать добро, а то, что ты называешь белым, приносить горе? Бог сделал своего любимого ангела князем мира сего. Не передал ему

власть над живущими – вовсе нет. Власть Он оставил себе – а падшему ангелу дал возможность заступаться за людей, таких же, как он – падших и отверженных, отверженных благодаря несправедливому устройству этого мира. Не ему целуют на кресте насильственной присяги и жесвидетельства, не им благословляются бои и бойни. И не он в ответе за то, что мир всегда был и остается враждебен человеку, который обречен здесь на вечное одиночество. И то страшное и несправедливое, что произошло с Ариадной, с нами, Асина ссылка – разве не тому подтверждение.

С. *(разводит руками)* Превосходно, по-твоему, выходит, что виноват Господь Бог. Не я, не ты, и даже не советский режим.

М. Сергей, напоминаю, что это ты, а не я, ищешь виноватых, сажаешь себя на скамью подсудимых, будто от этого станет кому-то легче, жизнь перемениться к лучшему, или ждешь, что тебе вдруг откроется истина.

С. Ты права. Впрочем, я не собирался ни убеждать тебя, ни особенно – разубеждать. Мне нужно было выговориться. Прости, если я тебя невольно задел. Меньше всего, хотелось бы причинять боль. Вокруг нас и без того так много боли. *(пауза. С. встает, достает со шкафа книгу)* Я тут припрятал для тебя – ко дню рождения.

М. Чудесно! Спасибо! Гете. «Эгмонт». Тысячу лет не перечитывала. Видно, только из типографии. Какое смешное слово *(читает по складам)* «Укр-гос-нац-мен-из-дат». Название издательства?

С. Хотел найти дореволюционное издание, но не было времени и настроения ходить по букинистам.

М. Чудесно. *(листая книгу)* Снова этот железный звук... Сережа, будь добр, принеси мне пальто. Зябко.

С. Может лучше растопить камин?

М. Нет, не стоит. *(Сергей уходит)*

М. *(откладывает книгу)*...Как же надоел этот кандаальный звон... *(включает радио, которое передает выпуск новостей, звучат голоса дикторов)*

Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал советско-латвийский пакт о взаимопомощи, заключенный в Москве 5 октября.

...Вышло в свет одиннадцатое издание книги Иосифа Виссарионовича Сталина «Вопросы ленинизма». Первые сотни тысяч экземпляров книги уже поступили в продажу. Тираж одиннадцатого издания книги «Вопросы ленинизма» – четыре миллиона экземпляров.

(Еще звучит это сообщение, как другой диктор начинает читать новое, включаются все новые голоса, которые торопятся сообщить свои новости сначала на русском, затем на различных языках, пока все они не сливаются в бессвязный вой. Звяканье физкультурных колец усиливается и вырастает в колокольный звон...)

Берлин. Сообщение Верховного командования германской армии. Продвижение к границе государственных интересов проходит планомерно. ПО последним данным среди остатков польских войск капитулировавших у Коцка, германским войскам сдались 2 командующих дивизиями, 1255 офицеров, 15600 унтер-офицеров и солдат.

Париж. Агентство ГАВАС передает, что вчера было отмечено общее оживление на всем фронте от Рейна до

Мозеля. К боевым действиям патрулей и небольшим атакам защитников линии Зигфрида со вчерашнего вечера, несмотря на продолжающуюся плохую погоду, прибавилась артиллерийская стрельба с обеих сторон на многочисленных участках фронта.

Брюссель. Местные газеты помещают следующее описание германских плавучих мин: «Германские плавучие мины имеют сферическую форму. Снаружи у мины имеются стеклянные трубки, наполненные серной кислотой. При ударе какого-нибудь предмета о мину серная кислота попадает на электрические элементы, вызывая появление тока, создающего взрыв. Чтобы обезопасить выброшенную на берег мину, достаточно отвинтить стеклянные трубки».

Китай. Десантные японские войска, продвигающиеся из провинции Гуандун к провинции Гуанси в направлении к Нанькину, встретили решительное сопротивление китайских войск, которыми командует генерал Бай Цзун-си. Ожесточенные бои происходят около Сяодуна. Не выдерживая натиска китайцев, японцы отходят к Фанчэну. Севернее Самшюа продолжаются бои около Лубао. В этих боях японцы потеряли 200 человек.

Лондон. Агентство Рейтер сообщает, что английский министр финансов выступил вчера по радио с речью, в которой он, между прочим, заявил, что война уже обходится Великобритании по меньшей мере в 6 млн. фунтов стерлингов в день. Вооружение и содержание дивизии, находящейся на фронте, обходится почти в два раза больше, чем в прошлую войну. Стоимость линкора возросла в два или три раза, а стоимость самолета – от 3 до 7 раз по сравнению с 1918 годом. Даже повышенные налоги не в состоянии покрыть и половины того, что Англия расходует в нынешнем году.

(На сцене темнеет. М. становится на колени, закрыв лицо руками. В динамике, переключая многоголосье, звучат стихи)

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!
О, черная гора,
затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь – быть.
В Бедламе не людей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ

Вячеслав ПРОТАСОВ,
г. Владивосток

в с я ж и з н ь

детство кончается
когда узнаёшь
что заветная роща за оврагом –
это пятьсот кубометров
древесины

юность кончается
когда понимаешь что впереди
ещё тысячи дел
более важных
чем счастье всего человечества

кончается всё –
условно называется зрелостью
когда перестаёшь верить
в своё собственное бессмертие

...из-за угла
уже не прячась
в густой тени деревьев
спешит навстречу
неулыбчивая старость

ураган с твоим именем

сейсмологи Японии
дыханья затая
сидели в эту ночь
за стрелками приборов

как всегда –
ничего нельзя было
изменить

как всегда –
только предупредить
о надвигающейся
опасности

и ждать...
ждать...
ждать...
и назвать ураган твоим именем

...в эту ночь
на спящих островах Японии
были отмечены
оглушительные толчки
моего сердца

маленькая поправка

...долго летели
навстречу друг другу
встретились
в небе над садом

когда смертельно уставшие
мы уснули в саду
ты – на моём плече
я – руку положив тебе на грудь
весёлый садовник
сама простота
насвистывая что-то из Моцарта
обрезал нам крылья
садовыми ножницами

а к яблокам ты
не притрагивалась
яблоки были и вовсе зелёные

лучшее время

лучшее время жизни – детство
лучшее время года – осень

осенью становится ясно
без колебаний:
лучшее время жизни – детство

я знаю одну очень весёлую...

я знаю одну очень весёлую
и одну очень печальную песню
этого вполне достаточно
чтобы не страшась одиночества
говорить людям правду о них
в глаза

коммивояжёр

семь железных сапог
истоптал
семь железных посохов
стёр
семь железных рубах
износил

ходит по свету в железных
обносках
торгует тончайшим батистом
и мягкими соболями

распахнуты настезь ворота...

распахнуты настезь ворота
открыты все окна
отброшены шторы
и сорваны двери с петель

в сырых и угрюмых подвалах
по солнцу повисло

но тем не менее
неумолимо увеличивается
количество тайных мыслей
на душу населения

океанская почта напишу тебе

совсем короткое письмо
такое чтобы ему было
просторно
в пустой бутылке
тёмно-зелёного стекла

...буду слушать
чем это недовольна волна
покидая берег
передразнивать чаек
вспоминать о пустяках

и глядя в море
с нетерпением ждать ответа

вопросы и ответы – а ты меня не разлюбил? –

да что случилось с именем твоим –
весь день неумолкающих
два слога

за мною ходят по пятам
издалека –
трибуны и турбины не стихая
и тоже об одном –
заветные два слога

сойти с ума!
мне свет уже немил
да что же за напасть такая –
одно из тысячи имён...

– а ты меня не разлюбил? –

НА МАЛЫЙ СРОК РОЖДЁННЫЕ ДЛЯ СВЕТА

Светлана СУСЛОВА,
г. Бишкек, Кыргызстан

ЗЕРКАЛО

Что скажешь,
Мощарт постаревший,
Бессмертьем переживший яд?
Навеки музыкой утешив,
Весь мир ты проклял, говорят?
Всё вечно: счастье и забвеньё,
Глумленьё толп и ложь похвал...
Шалуни-Музы вдохновеньё
Сменил безвременья оскал.
Ты к славе, словно раб к галере,
Прикован в млечности Пути.
Теперь ты жаждешь встреч
с Сальери! –
Чтоб в нём себя на миг найти...

* * *

Вся жизнь сквозь пальцы
льётся, как песок.
Но каждый миг – взглядишься, –
одинок,
Хоть он сумел вписать себя
в поток,
Где я лежу, уставясь в потолок,
Без сна. И без желаний...
Водосток
Сменил на бормотанье
пышный слог.
Но не алеет радостно восток:
Уходит солнце в тучи,
как в песок.
И лишь один взволнованный
листок
Окно ладонью тронул, как висок.

* * *

Поблекшие личики старых
подруг –
Сквозь смог прогоревших
претензий.
Былых отношений
разомкнутый круг.
Увядавшие листья гортензий...
Поврозь – если нас не сводить, –
мы ещё

Полны и огня, и задора:
Мерцающая румянцем
накрашенных щёк,
Завяжем узор разговора.
Но столько в душе
накопилось тоски,
Неверия, скуки, обиды!
С ушедшим встречаться
всегда не с руки.
Мы с ним по достоинству квиты.
Вчерашние
Таня, Людмила, Джергал
Сегодня уже безвозвратны.
Вставных челюстей
беспричинный оскал,
Заржавленный смех
хрипловатый, –
И всё неестественно,
словно кино,
Что видели в юности часто.

С подругами –
если простились давно –
Спаси нас Господь
повстречаться!

* * *

Я искала Бога на земле –
Я влюблялась в мудрых
и красивых.
Слить сердца в одной
туманной мгле
На мгновенье
Было мне по силам.
Я искала Бога в снах, в мечтах,
В трепете поэзии и мысли,
Слово я носила на устах
Тайной,
Не подвластной нашей жизни.
Я искала Бога в немоте
Светлых рос на чашечках
цветочных,

Я себя теряла в суете,
В графах лет
порой проставив прочерк...
И, почти закончив путь земной,
Вдруг узнала то, что знать
без толка:

Бог везде –
Тобой рождаюсь, мной –
Ищет Он во всех Себя –
и только...

* * *

Не тешь себя надеждой, дорогая,
Что эта жизнь –
всего лишь черновик,
Что вслед грядёт хорошая,
другая:
Лишь радости осознанной
родник...
Нет, все страданья,
выпавшие в этой,
Лишь для того и были,
чтоб понять:
На малый срок
рождённые для света,
Домой, во тьму,
торопимся опять.

* * *

На снежной кроне
чёрная ворона
Застыла, озирая белый свет,
Как шутовская грязная корона,
Которой сносу в этом мире нет...

Сударыня, картавая чернавка,
Хоть что-нибудь
на завтра напророчь!
Судьба опять последней
щедрой ставкой
Собой рискнуть, азартная,
не прочь:

Мол, отыграть себя ещё смогу я...
Так любит шут рядиться
королём,
Так мотылёк в блаженстве
поцелуя,
Забыв себя, становится огнём...

Скажи же мне,
премудрая ворона,
Как будто дёгтем смазанная вся,
Как жить, покоя в жизни
не ворона
И пылких чувств рассудком
не гася?

ДОБРОМ МЕНЯ ВСТРЕТИШЬ...

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток

* * *

В душном городе некуда деться,
Стороною обходит гроза.
Не могу я никак наглядеться
В голубые твои глаза.

Сердца ком – поводырь мой
незрячий.
Сколько можно вслепую идти?
И давно не могу иначе,
И кружу, и плутаю в пути.

В душном городе некуда деться,
В пекле улиц,
в асфальтовый зной
Не могу я никак согреться
На потрескавшейся мостовой.

* * *

Вот опять до утра
Бьют соседи посуду.
Там на фронте семейном –
Нескончаемый бой.
Если мне суждено
Быть с тобой, значит буду,
Если мне суждено –
Не пройду стороной.

Если мне суждено,
Я тобой заболею.
И считая, что в жизни
Я так одинок,
Я под правым плечом
Затяну портупею,
Бархат лопасти примет
Толедский клинок.

Свой расшитый камзол
Я украшу колетом,
Белоснежным кипеньем
Брабантских манжет,
В золотых рукоятях
Моих пистолетов
Отразится полуденный
Солнечный свет.

А когда ты войдёшь,
Я приму, как награду,
И улыбку твою,

И тепло твоих губ,
А под вечер спую
Я тебе серенаду,
Поклянусь своей песней,
Что я – однолюб.

Но опять начинают
Бить соседи посуду.
Я – не враг им, поверьте,
Но истинно зол.
Если мне суждено,
Быть с тобой, значит буду,
А пока я снимаю
Расшитый камзол.

* * *

Любить и ждать –
Прекрасные слова!
Легенд о них немало
и преданий,
Но не одна скатилась голова
На плаху бесполезных
ожиданий.

Любить и ждать,
Но тягостен удел
Того, кто сам обрёл себя на муки
И от тоски и горечи разлуки
До времени устал и поседел.

* * *

Что же нам останется
в наследие?
Мы давно лишь тлеем, не горим.
Заходи, любовь моя последняя,
Посидим с тобой, поговорим.

За окном погода разгулялася,
В вихрях ветра – снежная крупа.
Может быть, ещё не затерялася
Нами проторенная тропа.

Что в тебе осталось
неизменного,
Что ты без меня приобрела?
Миром целым,
целою вселенною –
Для меня ты столько лет была.

И не прячь глаза заиндевелые,
Разве можно этот лёд согреть?
Что ж рядиться нам
в одежды белые?
Трудно жить, и трудно умереть.

Снегом наша стежка
запорошена
В поле убегает от крыльца.
Посиди со мной, моя хорошая,
Может, отогреются сердца?

* * *

Твой дом уснул.
Кругом – ночная тишь.
И кто бы мог подобное
предвидеть,
Что ты меня, конечно,
не простишь
За то, что ты смогла меня
обидеть.

Но я и сам прощенья не прошу,
На прежние мечты не уповаю.
Я в сердце ничего не уношу,
Что смог – забыл,
что помню – забываю.

* * *

Торной дорожки к тебе
не проложено,
Только тропинка ведёт...
Сколько по белому свету
исхожено,
Что тут гадать наперёд?!

Может, добром меня встретишь
и ласкою,
Если взойду на крыльцо,
Может, как прежде,
посмотришь с опаскою,
В ноги уронишь кольцо.

Я подниму то кольцо бирюзовое,
Спрячу его в рукаве.
И попрощаюсь. И с думою новою
Тихо уйду по траве.

ИСТОРИЯ

ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

На конкурс «Ребята с нашего двора»

Александра ПОЗДНЯКОВА
г. Владивосток

НАС – ТРИДЦАТЬ ТРИ...

Мы школьные друзья, не «шишки» и не гении.
И собрались мы здесь не просто так:
Агеенко с хрустящими коленями,
Седой наш Стас, лысеющий Черняк...
И с нами вместе Стаса друг бывалый,
Различных стран, морей знаток большой
Ядрышников Витёк (был молодю кудрявый,
Теперь – почти с босою головой).
Известный балагур наш Коля Радченко
(В «народе» звался просто Коля Рак).
Он выходками всех нас озадачивал,
Да и теперь хохмач, чудак, остряк.
А мастер ведь какой! Ту влагу драгоценную,
Что здесь мы пьем, он сам и сотворил.
И думается, он ее, наверное,
Нигде и никогда ни капли не пролил.
Ему, поверьте, не сидится дома.
Шахтер и футболист. И репортером был!
Известно всем: как «секретарь горкома»
Артемом по ночам руководил.*
Мы вспоминаем, как Черняк наш, Толя,
Задачи щелкал, тонко, как остряк,
Как к Саре** Стас пылал большой «любовью»
И как он географию «любил».
Потом нам Толя слал привет от ГРЭСа,
В квартирах каждой лампочкой света.
Левицкий Стас, когда стал город тесен,
Нам пол-Артема выстроил шутя.
От суши никуда ему не деться,
Хоть раньше поклонялся он воде***.
А Толик снова окунулся в детство,
Точнее – в дедство, через букву «д».
Вот Шура А., наш активист заядлый
И заводила комсомольских дел.
Отличницей была, и мы в её тетрадках
Паслись, уроки сделать не успев.
Она нас на собраниях шерстила
И со стены нам «строила привет»,
И позже – в журналисты угодила,
Наверняка – от этих стенгазет.
Ей ставит жизнь нелегкие задачи.
Она по-прежнему немалый воз везет
И в трудностях не хнычет и не плачет,
Нет-нет еще и книжки издает.
Мы здесь сидим с настырной нашей Любой****:
Огонь в глазах, хоть с сединой виски.
Придите в гости – всех вас приглубит
И умереть не даст вам от тоски.
Привычно ей: беседы «тет-а-тетом»
(Будь откровенен, возражать не смей!),
Бороться с распроклятым диабетом,

Руководить «английским» кабинетом*****
И корабли «толкать» со стапелей.*****
Чтоб школьные познания не прокисли,
Взялась Любаша внучку обучать.
И та уже рационально мыслит,
Но бабушка советует... списать...

* * *

...Нам вместе хорошо. И мы листаем
Страницы биографии своей,
И в памяти не раз перебираем
События минувших школьных дней.
Они свежи, как первоцвет весенний,
Хоть все, что было, – это так давно!
И принимаем мы, как дар бесценный,
То, что другим, быть может, не дано.
Нас было тридцать три...

Как ЗДЕСЬ нас мало!

Иных уж нет, и нам их не забыть...
Какое счастье Небо нам послало,
Что удалось нам дружбу сохранить!
Ведь в этой дружбе (не бросаюсь словом!) –
Надежда, сила. Чтобы дальше жить.
Мы время торопить опять готовы,
Чтоб нашу встречу снова повторить...

* как «секретарь горкома» Артемом по ночам руководил – по выходу на пенсию работал в горкоме партии ночным сторожем.

** Сара – прозвище учительницы географии Серафимы Васильевны Федоровой, которую многие из нас побаивались за строгий характер и высокие требования к нашим ответам.

*** Хоть раньше поклонялся он воде – после окончания школы мечтал стать моряком и даже поступал в Высшее мореходное училище, но по сложившимся обстоятельствам стал строителем.

**** речь идет о Любе Богословской (по мужу – Чеботина)

***** руководить «английским» кабинетом – заведовала методическим кабинетом английского языка в ДВГУ.

***** корабли «толкать» со стапелей – во время пребывания с мужем-кораблестроителем в Польше всегда приглашалась на спуск новых судов со стапелей, по традиции разбивала бутылку шампанского о борт корабля.

Все названные в стихотворении персонажи – выпускники 1953 года средней школы № 1 г. Артема. Это был первый ее выпуск после пожара (сгорела она еще в годы войны и была введена в строй после восстановления только в 1952 году). Пришли мы в первую школу из семнадцатой. Класс формировался три года, с 1950 года – тогда после семилетки, мы поступили в семнадцатую из разных школ, к нам подсоединили всех второгодников и приезжих. Вот такой «сборной солянкой» был тогда наш 8 «В». В десятом («Б») мы были

уже дружным коллективом, добросовестно учились, были надеждой своих родителей и учителей. Мы были типичными детьми войны (1935 – 36 годов рождения), детьми своего времени. А время-то было нелегкое: страна еще испытывала послевоенные трудности, восстанавливала хозяйство, налаживала нормальную мирную жизнь. Словом, трудностей всем хватало...

О классе и школьной дружбе можно целую книгу написать... Ограничусь пока статьей-комментарием к опубликованному выше стихотворению. Нас, действительно, было тридцать три. Выросшие в недостатках, зачастую – в больших семьях (в нашей, например, было семеро детей), приученные с раннего детства к труду, воспитанные в духе коллективизма и взаимопомощи, мы мечтали о светлом будущем, а родители наши – о сытой и благополучной для нас жизни. Дать детям образование как пропуск в это светлое будущее они считали своим долгом. Из кожи, как говорится, тянулись и тянули своих чад.

После выпуска весь наш класс разлетелся, кто куда. Не удерживали ни расстояния, ни большие конкурсы при поступлении в вузы, ни слабые материальные возможности большинства наших родителей – ничего, будем учиться и работать. Половина одноклассников поступила в вузы Владивостока и Хабаровска. Но всем нам ужасно хотелось самостоятельности, взрослости, хотелось самим принимать решения, самим за себя отвечать. **МЫ БЫЛИ ТАКИМИ!** Сейчас, возможно, это звучит высокопарно, но все стали достойными гражданами своей страны и честно во имя ее блага трудились, никто не опозорил ни школы, ни родителей, ни своего имени.

Как сказал бы ученый-историк, теперь перейдем к персоналиям. Сразу скажу, есть среди моих одноклассников и школьных товарищей и заслуженные в своей отрасли работники, и удостоенные правительственных наград, и ученые, и партийные и советские руководители. Но главное – не было (и нет) любителей прокатиться по жизни на чужом горбу.

Людмила Лялюшкина (Левицкая), например, – заслуженный врач РСФСР, после окончания мединститута и до выхода на пенсию (47 лет!) работала в медсанчасти шахты № 3-ц в Артеме, уважаемый в городе человек. Валентина Демчук (Цыганаш, живет в Хабаровске) – отличник народного просвещения, преподавала биологию, заведовала учебной частью большой средней школы. За внимание к людям, отзывчивый нрав и сердечность прозвали ее в своем микрорайоне «народной учительницей». Александра Агеенко (Позднякова, автор этих строк) – педагог и журналист, почти тридцать лет отдала работе в печати, восемнадцать из которых в качестве редактора газет края. Заслуженный работник культуры РСФСР, почетный гражданин города Партизанска, член Российского межрегионального союза писателей.

Анатолий Черняк – о нем тоже идет речь в стихотворении – свою дорогу в жизни нашел нелегко. Оставив третий курс Хабаровского железнодорожного института, служил в Советской Армии, за участие в боевых операциях (по исполнению интернационального долга) награжден Орденом Славы. Когда мы уже работали, он был студентом третьего курса электротехническо-

го факультета ДВПИ. Учился на дневном отделении и работал по вечерам, помогал больной матери. После института трудился начальником котельного цеха Партизанской ГРЭС. Выросший без отца (его он лишился в годы репрессий накануне войны, мать осталась с тремя мальчишками на руках, но об этом он никогда с нами не говорил), был прекрасным мужем и отцом. Последние годы жизни работал в «Примкрайтеплоэнерго».

К сожалению, проводили мы в последний путь и Любу Богословскую (Чеботину). Окончив отделение английского языка ДВГУ, она заведовала методическим кабинетом английского языка университета, позднее – в издательстве ДВГУ. Была прекрасной, гостеприимной хозяйкой, воспитала двух дочерей. «Мой дом – моя крепость». Не ошибусь, если скажу, что это было девизом ее жизни. И свой дом она хорошо вела, и крепко держала в руках штурвал семейного корабля. Умела и других поддержать, и от души это делала.

Виктор Родионов, офицер Советской Армии, ушел из жизни совсем молодым. Ему было, по-моему, тогда чуть больше тридцати. Он окончил Казанское высшее артиллерийское училище, был послан в Египет военным советником и занимался там ракетными установками (по рассказам брата). Умер от лейкемии, оставив на Украине молодую жену и малолетнюю дочь. Да, мы были дети своего времени... И это комментировать, по-моему, излишне...

Левицкий Станислав получил профессию строителя и постиг ее, как говорится, от и до. Каменщик, отделочник, сварщик... Работал прорабом в Артемовском стройуправлении. Возводил здание ГУМа, многоквартирные жилые дома. В качестве главного инженера руководил строительством птицефабрик в поселке Новый и Михайловской.

Виктор Конченко, скромный и тихий, любивший, не в пример нам, проводить летние каникулы на пришкольном участке: копал, полыл, что-то с чем-то скреплял, что-то к чему-то прививал. Помню, принимая от него гербарий (такое задание нам было на лето), в котором все листочки у растений зеленые, а цветочки – цветные, наша учительницы биологии Екатерина Кузьминична Серова с восхищением сказала нам: «Запомните: Витька будет ученым!» И ее предсказание сбылось. Виктор окончил Мичуринский сельскохозяйственный институт, защитил кандидатскую диссертацию – о выведении новых сортов винограда в условиях Приморского края. Плодоводством он и занимался, вернувшись в родное Приморье.

Кадровыми морскими офицерами стали Эдуард Бурмистров и Анатолий Калинин, специалистами-механиками – Георгий Кононенко и Анатолий Золотов. Александр Калашников получил профессию горного инженера в ДВПИ. Биолого-почвенный факультет Воронежского университета окончила Нелли Грибкова, химический факультет Ленинградского университета – Ася Берг. Виталий Сучков и Людмила Щербина стали химиками-технологами, а Нина Герасимова (Покоевич) и Владимир Рожков – врачами. Преподавала физику в Дальневосточном институте рыбного хозяйства Галина Щукина (Борисова), замещала декана на одном из факультетов...

Как можно забыть Киру Острикову, худенькую умную девочку с печальными глазами!? Пришла она к нам в девятом классе. Жила в Артеме в семье своей тети, потому что мама ее умерла в блокадном Ленинграде, она же чудом осталась жива. Кира прекрасно училась, но была замкнутой и редко посещала наши школьные вечера. Много читала. Как всякой девочке, ей тоже хотелось выглядеть привлекательней, но волосы у нее были жиденькие (может, тоже из-за блокады), косы она не заплетала, как мы все, ходила со стрижкой. А однажды пришла на занятия с подвитыми на бигуди волосами, что вызвало негодование нашей классной руководительницы. Та повела ее в туалет и заставила распрямить волосы, намочив их под краном. Как мы Кире сочувствовали! И поступок нашей классной не одобряли. Но таковы были тогда школьные порядки. Кира уехала учиться в Москву в историко-архивный институт. Мы переписывались с ней в студенческие годы, но потом, к сожалению, связь наша как-то оборвалась, и мы потеряли друг друга.

В короткой публикации обо всех одноклассниках не рассказать. Уверена, что каждый заслуживает отдельного очерка, хотя с некоторыми после окончания школы не удалось больше увидеться, не то чтобы проследить их жизненный путь. Но не могу не назвать имен еще некоторых «мальчишек с нашего двора», с которыми мы бегали когда-то в Артеме босиком по одним улицам, ходили в семилетнюю школу. Это Алексей Волынцев, Михаил Вялых, Анатолий Золотарь. Из них вышли партийные деятели городского и краевого масштаба. Также через упорный труд и настырный характер. Они учились классом ниже, и когда в Артеме открылось специальное горно-техническое училище, после окончания семилетки пошли учиться туда как шахтерские дети, получали специальность и одновременно среднее образование на полном государственном обеспечении. Окончив училище с «красными» дипломами, без конкурса поступили в ДВПИ и уже тогда проявили себя как общественные активисты. Была в их биографии и партийная, и комсомольская работа. Алексей Волынцев окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. В крае его знают, как первого секретаря Артемовского горкома партии, первого секретаря крайкома, председателя краевого Совета народных депутатов последнего созыва.

Михаил Вялых сменил Алексея Волынцева на посту первого секретаря Артемовского горкома партии, Анатолий Золотарь работал вторым секретарем. С обоими, через много лет после школы, я встретилась в Хабаровской Высшей партийной школе в 1970-72 годах, вместе учились на двухгодичном отделении.

В горно-техническое училище, на старший курс, в начале сентября 1953 года ушел и наш Николай Радченко, который «в народе» звался просто Коля Рак». Скорее всего, материальные возможности не позволяли семье дать ему затем вузовское образование. А в училище – вместе с дипломом в руки и профессия! Получив специальность горного техника и электромеханика, трудился горным мастером на шахте № 3-ц («Амурская»), затем заместителем начальника участка.

Увлекался, как все наши мальчишки, футболом, играл в команде своего ведомства, потом пятнадцать лет давал репортажи в местную газету о футбольных матчах «Шахтера», позднее «Авиатора» с другими командами города и края, писал о проблемах спорта. Как нештатный корреспондент с многолетним стажем теперь он «Ветеран газеты «Выбор» (это звание редакция учредила три года назад, с вручением удостоверения и медали).

Ну вот, пожалуй, назвала почти всех, с кем когда-то поддерживала связь и о судьбе которых что-то знаю. И, конечно, не забыть нам традиционные школьные вечера встреч, на которых мы порой через многие годы находили друг друга, чтобы потом уже не потерять. Не забыть встречи на свадьбах одноклассников, наши посиделки, когда мы, соскучившись, собирались за дружеским столом, или по случаю приезда кого-либо из наших с Запада. Вот после одной из таких встреч и родился стих – «Нас – тридцать три...». Это дань дружбе, которую удалось сохранить на долгие годы (пусть не всем, пусть тем, кто этого пожелал и не ленился находить на друзей время), дань памяти о тех, кого с нами уже нет. Встреча эта состоялась в феврале 1998-го. Мы потом еще собирались не однажды, общались по телефону. Поддерживали друг друга в злых житейских буднях. Провожали друзей в последний путь... Но это, как сейчас модно говорить, уже другая тема.

Да, время неумолимо. И жизнь уже не та, и мы уже не те... Кому-то из нас судьба даровала возможность еще пожить на этом свете. И нам уже по семьдесят пять. Живая история! Но всякий раз, встречаясь с кем-либо из «ребят с нашего большого артемовского двора», с одноклассниками, хочется вспоминать и вспоминать... А закончу статью еще одним стихотворением, с тем же поводом и с той же датой написания:

НО ЖИВЫ, ЖИВЫ МЫ ЕЩЕ...

Друзьям школьной юности

Вот и пришла пора встречаться,
А коль расстаться – так навек:
Судьбою призван человек
С косой-злодейкой обвенчаться...
И пусть разлучница не ждет
Мольбы иль ревности укоры:
С ней не уместны торги, споры,
Когда на дни начнется счет.
Но живы, живы мы еще!
Волнуемся, мечтаем, дышим,
Еще душой друг друга слышим
И друга чувствуем плечо.
Себя не стоит упрекать,
За то, что в юность память мчится.
Душа туда летит, как птица,
И тщетный труд – ее унять.
Пусть быстротечен жизни бег,
Но суждено нам повстречаться,
А встречаю – в памяти остаться
На наш, не так уж долгий, век...

ТОЧНО В ДЕСЯТКУ!

(«ЖУРНАЛУ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И СЛОВЕСНОСТИ» – 10 ЛЕТ!)

Андрей УГЛИЦКИХ,
главный редактор «ЖЛКиС»,
г. Москва

10 лет назад увидел свет самый первый номер "Журнала литературной критики и словесности" ("ЖЛКиС") (<http://www.uglitskih.ru/index.htm>).

Что же этот «ЖЛКиС» за птица такая и что послужило первопричиной, первотолчком к созданию ее, подтолкнуло выпустить в свободный полет?

Как мне представляется – естественное стремление публиковать и публиковать авторов состоявшихся, не мыслящих себя вне литературы, и, безусловно, заслуживающих публикаций, но, при этом, в силу каких-либо причин, обделенных пресловутым печатным станком.

Ведь, ни для кого ни секрет, что острая головная боль под названием: «Где опубликовать?» входит в перечень основных профессиональных заболеваний подавляющего большинства литераторов. И что проблема эта всегда была, есть и вечно будет актуальной. Как и два ключевых вопроса современности: куда (в какое издание) и когда следует отдать рукопись. Поскольку, мало, мало написать хорошее литературное произведение, его еще надобно и умело «пристроить», опубликовать!

Итак, где, в каких журналах лучше всего публиковаться?

1. Конечно, одним из самых желательных вариантов (так же, как и 100, и 150 лет назад) остается публикация в традиционных литературных журналах. Характерными чертами журнальных «тяжеловесов» являются здоровый (чаще) консерватизм с толикой скептицизма по отношению к различным новациям, нововведениям, изменениям и переменам. Впрочем, отсутствие интернет-версий у некоторых из таких изданий (особенно в сочетании с низкими тиражами постсоветского периода) зачастую превращает их в местечковые, фактически, «междусобойчиковые» альманахи. В числе прочих недостатков можно упомянуть еще и закрытость, непрозрачность, замкнутость, зачастую – «завязанность» редакций на определенный, довольно узкий круг избранных авторов (перед которыми у редакций имеются определенные долгосрочные, «долгоиграющие» обязательства). Все это не может не вызывать некоего раздражения (и – вызывает его!) со стороны обойденных вниманием, отставленных в сторону, лишенных «доступа к телу» прочих участников литературного процесса, то бишь, потенциальных авторов. Ведь цена «приза» весьма и весьма высока: «толстяки», как правило, даже при своих относительно низких нынешних тиражах, имеют, тем не менее, устоявшуюся репутацию и автори-

тет. Поскольку (обратная сторона консерватизма!), в большинстве своем, они весьма и весьма успешно справляются с трудной и благородной миссией хранителей лучших традиций отечественной журнальной литературы.

2. Весьма эффективным и оперативным решением проблемы опубликования остаются сетевые литературные издания, благо их очень и очень много сейчас. Преимущества: динамизм, мгновенная, почти боксерская реакция на изменения, происходящие в мире, демократичность, «подручность», едва ли не «шаговая доступность» для опубликования, возможность мгновенно и в любое время вносить изменения в уже опубликованное, и главное: потенциально неограниченная аудитория читателей (весь мир, все интернет-пространство). Недостатки же некоторых из литсетевиков вытекают, как и следовало ожидать, прежде всего, из их же достоинств – торопливость, граничащая с поспешностью, порой – недостаточный уровень подготовки текстов и так далее. К недостаткам же следует также отнести свойственный отдельным сетевым литературным изданиям радикализм (или даже – ультрарадикализм!) с присущей им запредельной тематической и языковой раскрепощенностью, склонностью к вульгаризмам, примитивизмам, следованию в сомнительном фарватере ненормативной лексики...

3. А вот третью группу составляют литературные издания сумевшие, таки, и сумевшие – весьма и весьма удачно – соединить, казалось бы, абсолютно несоединимое: пуританское целомудрие классического бумажного тиражного размножения с известной толикой независимолюбия, мобильности, и новаторской раскрепощенности мирового паутино-интернетства, журналы, умудрившиеся впрямь «в одну упряжку коня и трепетную лань». Речь, как вы уже, наверное, догадались, о «бумажных» изданиях, но – с сетевым представительством. (Отрадно, что сетевые версии таких журналов представлены, как правило, файлами в формате PDF, позволяющими читателю испытать при чтении электронного текста, практически те же самые ощущения, что и при чтении обыкновенного типографского...). Пользуясь случаем, не премину выделить два, хотя бы, из таких вот, наиболее, на мой взгляд, удачных «mixt-ов». Это добротные, профессиональные: литературно-художественный альманах «Братина» (гл. редактор Ф.Н. Черепанов, редактор А.И. Фомин) и примечательный во многих отношениях приморский ежемесячник

российской словесности «Литературный меридиан» (гл. редактор В.А.Костылев). «Братина» (г. Москва) (<http://www.miskp.ru/bratina.html>) выступает, как «издание, объединительное для ближнего и дальнего зарубежья», как журнал для тех, кто «думает о России и стремится к единению с ней». «Литературный меридиан» (г. Арсеньев, Приморского края) (http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=54), отличается «стремлением к высокому художественному уровню публикуемых материалов и поддержке молодых талантов, как приоритетному направлению в редакционной политике издания».

«ЖЛКиС» же наш, от которого мы сейчас так надолго отвлеклись, задуман и осуществлен именно как традиционный литературный сетевой литературный журнал со всеми вытекающими отсюда... (см. выше).

Впрочем, отсутствие издательской «крыши», внешней подчиненности, кому бы то ни было, позволяет юбиляру позиционировать себя в качестве «независимого издания, призванного знакомить своих читателей с литературными сочинениями, еще неизвестными широкой читательской аудитории, равно как и предлагать ее вниманию свое собственное литературно-критическое видение процессов, происходящих сегодня в российской литературе».

Во исполнение заявленного, «ЖЛКиС» охотно представляет страницы свои обзорам российских литературных журналов, критическим статьям, рецензиям; творческим портретам, публикует неизвестные или почти неизвестные широкому кругу читателей произведения пишущих на русском языке литераторов.

При этом юбиляр, не претендуя на объективность в интерпретации событий и явлений, происходящих в новейшей российской литературе, предупреждает, что мнения, высказываемые на его страницах, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции «ЖЛКиС».

Конечно, осуществление такого интернет-проекта в наши смутные времена, по определению, дело хлопотное и нелегкое, но, что делать, ведь «без новых имен нет новой литературы, а без литературной критики не возможен и сам литературный процесс...»

Впрочем, истекшее десятилетие показало, что большинство препятствий на жизненном пути «ЖЛКиС» носили все же временный, преодолимый характер. Правда, «руды» действительно, порой, приходилось «выплавлять» из тонн «пустой породы». Но, это уже были «решаемые» проблемы, трудно, но, все-таки, управляемый процесс. (О некоторых из этих «камней преткновения», равно, как и об истории создания «ЖЛКиС» см. статью «Литерный эшелон»: <http://www.uglitskih.ru/critycs/literny.shtml>).

...Как-то незаметно прошли, пролетели эти десять лет. За это время страна пережила многое. Несомненные успехи и продолжительные подъемы чередовались откровенными спадами, и даже – провалами. Став на десятилетье старше, она, возможно, стала в

чем-то лучше, мудрее, а в чем-то, напротив, утратила чутье, постарела, где-то – была объективной по отношению к себе самой, а где-то – зазналась, задрала нос... Это, естественно, не могло не сказаться, не отразиться (как в зеркале) и на журнале «Литературной критики и словесности». Ибо жить в обществе и быть от него свободным – как хорошо известно – невозможно. Но в любом случае, при любом раскладе, юбиляр, по мнению моему (конечно же предвзятому и естественно – пристрастному, не буду этого даже пытаться скрывать!), завершает первую свою «десятку» весьма достойно: он в добром здравии, он – во всеоружии, он – спокоен и уверен в себе, твердо стоя на ногах. Возможно, что это и есть самый значимый итог, самый важный вывод сегодня.

Не могу не привести нескольких важных, на мой взгляд, цифр:

По состоянию на ноябрь 2011 (включительно) выпущено 119 номеров журнала, в составе которых состоялось 434 публикации (118 – прозаических, 139 – поэтических и 177 – литературно-критических). При этом опубликовано: романов и отрывков из них – 6, пьес – 4, новелл – 2, сказок – 2, повестей – 14, рассказов и циклов рассказов – 78, прочих прозаических (воспоминаний, записок и др.) – 12. Стихотворных подборок – 126, стихотворных переводов – 2, венков сонетов и сонетов – 3, подборок эпиграмм – 1, подборок верлибров – 1, рубаи – 1, прочих поэтических – 5. Критических статей – 138, творческих портретов – 9, обзоров – 4, эссе – 15, критических обсуждений – 1, монографий литературоведов и литературных критиков – 2, интервью с писателями и поэтами – 2, рецензий – 4, исторических очерков – 2.

Авторами журнала за подотчетное время (2001–2011) стали 313 литераторов (не включая участников коллективных поэтических публикаций). В том числе, в 2001–2002 гг. – 38, в 2003 – 39, в 2004 – 29, в 2005 – 26 и в 2006 – 31, 2007 – 28, 2008 – 17, 2009 – 33, 2010 – 37, 2011 – 35. «Географически» авторы журнала – это весь земной шар: от Нью-Йорка до Улан-Удэ, от Мурманска и Салехарда – до Баку и Караганды!

Отрадно, что, несмотря ни на что, литературно-критические публикации все-таки преобладают в общей структуре журнальных публикаций. Это позволяет относить «ЖЛКиС» прежде всего, именно к литературно-критическим изданиям.

Не могу не сказать еще об одном: совершенно невозможно отметить, выделить каких-то отдельных авторов-«жлкисовцев». Ибо все они у нас, как на подбор, как пушкинские богатыри – один другого лучше и ярче, талантливей и краше! («...Все красавцы удалые, Великаны молодые, Все равны, как на подбор...»). Просто хочется низко поклониться им, поблагодарив за то, что эти прекрасные писатели и поэты, литературные критики и эссеисты, литературоведы и мемуаристы были с журналом все эти долгие, не самые легкие десять лет, за верность и преданность лучшим традициям русской литературы, за желание и способность нести свет, согревать теплом созданного ими слова благодарные читательские сердца...

ИДОЛ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ

Жанна РАЙГОРОДСКАЯ,
г. Иркутск

/отрывок из рассказа/

1.

Я сразу понял – эта пчёлка не из нашего улья. Она представила на обсуждение один рассказ – переработанный дневник бабушки-блокадницы. Я уж не стал говорить ей, что истинные блокадники на Пискаревском кладбище. У каждого выжившего был свой спаситель. Девицы, небось, с морячками погуливали, мужчины... Незачем, короче, старое ворошить.

Было в рассказике несколько интересных местечек. Идёт, к примеру, героиня по набережной, видит заледенелых сфинксов и думает – неужели древнеегипетские скульптуры снова увидят рабство? Но ведь это уже было, то ли у Князева, то ли у Юры Рябинкина. Зачем повторяться? Другой раз сидит девчонка в комнате, где с потолка сосульки свисают, и мнится ей, что она русалка в морской пещере. А то, бывало, задумается, что при строительстве Петербурга множество народу сгубили, и то, что происходит – не Божья ли это кара?

Да в советское время такую графоманку бы в ГУЛАГе сгноили! И правильно! Задумаешься о жертвах – вообще ни черта не сделаешь. Я это ещё до Афгана сообразил.

Но в целом интересные мысли и образы в рассказе смотрелись, как яркие случайные мазки фломастера на пожелтевшей газете. Патетика, треск...

Меня патетика и в школе, и на войне притомила. Готовишься, бывало, к опасному рейсу, так перед тем, как сесть за руль наливника, стоишь, как пионер, и слушаешь осточертевшую клятву. «Выполняя интернациональный долг, мы клянёмся беречь как зеницу ока народнохозяйственные грузы, предназначенные для Демократической республики Афганистан, и, если потребуется, с оружием в руках, не щадя своей жизни, оказывать помощь братскому народу...»

Разумеется, приходилось, как устроят духи концерт не по заявкам, останавливать бензовоз, падать под колёса и палить по горам, но зачем без конца переливать из пустого в порожнее?..

Забавно, что на чужие огрехи у Татьяны был глаз алмаз. Критиковала всех, но по-доброму. Под ко-

нец семинара ей пачками рукописи несли – поищи, мол, блошек. А ребёнок не понимал, что ему на шею садятся. Хоть бы кто шоколадку подарил... Может, на премию «За активное участие» рассчитывала? Ох, детсад... Эту премию дали подружке руководителя – золотоволосой карелочке с зелёными глазами-виноградинами...

Татьяне бы в «Наш современник» сунуться или в «Москву». Да вот беда – была девица чересчур интеллигентна, культурна, из тех, кто боится выпрыгнуть за флажки и позволяет водить себя на помочах. Мат ей, к примеру, не нравился. Меня осудила за то, что в моём рассказе коньяк феназепамом закусывали. Зато отметила толстовскую объективность в описании боёв.

Да и темноволоса была, при бледной-то коже. Не исключено, что сунься она в «Наш современник» – предки бы из дому выгнали. А сама бы не прокормилась. Восемнадцать лет, второй курс питерского начфака.

Хотя... Я тоже со второго курса в Афган угодил.

Поступил я на биофак за компанию со школьным другом. А там, в малиннике, Самсон развернулся. Одну добьётся, пятую, десятую... Говорят, кошка сверххищник. Садят её в подвал с мышами, там она всех передушить норовит. То же и Самсон. Видный был парень – два метра ростом, мускулистый, русский, зеленоглазый... Почему «был»? Да нет, ничего трагического... После Афгана женился, полинял... Слушай дальше.

Начали преподы Самсона трясти. Ты что, остановиться не можешь? Найди в себе силы... Ну, Самсон и нашёл – веру православную, веру предков. Покрестился.

Деканат и вовсе на уши встал. Или снимай крест, или вон из института. А я как-то на комсомольском собрании высказался, мол, сами виноваты. За что боролись, на то и напоролись.

Вышибли обоих и отправились мы с лучшим другом в Афган.

Так я про Татьяну. Возможно, и прожила бы девка сама по себе – фигурка ювелирная, точёная, не

по возрасту зрелая. Говорят, девичий таз должен иметь форму лиры, а грудь обязана целиком уместиться в мужской руке. Как раз тот случай.

Хотя, пристройся барышня под крылышко к олигарху, никакой патриотический журнал ей уже не понадобится. И тут меня осенило. Может, она явилась к нашему шалашу в поисках перспективного мужа или любовника? Ни в «Москве», ни в «Нашем современнике» такого днём с огнём не найдёшь...

Та-ак... Свободная лёгкая блузка с якорями и чайками. Вырез подхвачен дешёвенькой, с барачолки, брошкой. Тёмные волосы заколоты, как в старых совковых фильмах. Перевоплотилась, видать, в собственную героиню-блокадницу. Слава Богу, хватило отваги джинсы надеть. Серые глаза бирюзовым подкрашены. Похоже, похоже...

Как бишь у Губермана?

Блестя глазами сокровенно,
Стыдась вульгарности подруг,
Деввица ждёт любви смиренно,
Как муху робко ждёт паук.

Ладно, посмотрим, кто здесь паук, а кто муха...

Был на семинаре ещё один такой же совок. Из Архангельска. Неспортивный хомячок-женатик в домашних тапочках. Писал о поморах эпохи Ивана Грозного, об основании родного города. И почему люди не пишут о том, что знают? Где он видел тогдашних поморов? Во сне? По ящичку? Или в книжке прочёл? Слышал, как в народе про таких говорят? По чужим словам, как блоха по наволочке...

Андрей-то как раз владел образом. Но в целом у него получался красивый сказ, узор с палехской шкатулки. Все честной компании не понравились его были-небыли. А Татьяне поглянулись. Такого наговорила...

Нас заставляют забыть своих предков, а мы их помним!.. Мы не дадим поставить страну на колени!.. Чего там после драки кулаками махать... Уже позволили...

А помор сидит и глазами на Татьяну сверкает – так их!.. Давай их!.. Ни дать, ни взять Иван-дурак. За спину Василисы Премудрой прячется...

Зато потом, как насели все на Татьяну – критиковать умеешь, писать нет, сапожник без сапог и всё такое – Андрей на защиту кинулся. Пусть, говорит, у неё и газетный стиль, зато сейчас все воспевают оргазм в гробу, а человек за серьёзную тему взялся.

Естественно... Кукушка хвалит петуха...

Да это просто кощунство – не умея писать, братья за такую тему, как ленинградская блокада!.. Спекулировать чужими страданиями!.. Тема – это не турник, на ней подтягиваться не надо, кривая не вывезет!.. Но я промолчал. Я-то, в отличие от Татьяны, меньше читал рукописи молодых, больше

посещал встречи с маститыми – Фазилем Искандером, Маканиным... Кого-то, разумеется, прочёл для порядка, но тексты Андрея и Татьяны как-то не захватили.

После семинара Андрей и Татьяна языками зацепились по поводу стиля. Татьяна утверждала – чем серьёзнее тема, тем меньше нужны стилистические кульбиты, главное – изложить события, а там читатель и сам догадается, что к чему. Чуть плюшевая... Стиль – это писатель, автор, человек. А сюжет? Кому он нужен, кроме подростков?

Андрей же отвечал, что стилистически неумелая вещь всё равно, что тупой засапожный нож. Точи, мол, своё оружие...

В руках у Татьяны была моя афганская рукопись. Я хотел получить её обратно, стоял рядом и ждал. Меня-то на семинаре скорее похвалили – люди уважают тех, кто рисковал жизнью...

Видимо, рассуждения о засапожных ножах и настроили Татьяну на игривый, по Фрейду, лад. Девушка обернулась ко мне и произнесла:

- Погоди, Тимур. Сейчас договорю и отдамся в твои руки.

- Да мне, вообще-то, рукопись нужна, – усмехнулся я. Взял текст и пошёл. Оглянулся раз, другой, третий, затем присел в кресло поодаль и стал наблюдать за ними.

Вначале помор стоял красный как рак. Современный мужчина вообще существо нервное. Я в этом смысле исключение. Помнишь, у Гумилёва...

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда.
Всё, что смешит её, надменную –
Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг – бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне.

Но нет, я не герой трагический,
Я ироничнее и суше,
Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Видимо, желая разрядить обстановку, Татьяна достала из пластиковой папки тетрадь в сорок восемь листов и начала что-то говорить. Помор усердно записывал. До меня долетали слова: «Журналы Питера... «Аврора», «Нева»... Проедешь две остановки... Рядом со сквером... Но сперва позвони в редакцию...»

А может, и мне отломится?

Но я не стал унижаться. Заставил себя подняться на ноги. Повернулся спиной. Удалился.

А МОГЛИ БЫ И СЪЕСТЬ

Вячеслав СЕРИКОВ,
г. Омск

В начале 1988 года я был участником пробега агитпоезда по северным сёлам Читинской области. Мы прошли на машинах полторы тысячи километров по рекам Каренга, Витим и Юмурчен, единственным дорогам зимой в тех краях. На Витиме, в месте впадения реки Юмурчен высокая крутая скала, на которой и стоит загадочный крест – металлический и очень больших размеров. Трудно предположить, как его сумели доставить сюда за тысячи вёрст от железных дорог по сплошному бездорожью тайги.

Это не единственный крест на Витиме. Встречаются громадные по размерам каменные гранитные плиты с вырезанными памятными надписями. Существует немало расхожих легенд о подобных памятниках. Одну из них я и расскажу.

Никто не помнит, когда это случилось, где это было и как произошло, но бежали с крайнего Севера, с каторги, четверо ссыльных. И пройти им предстояло немало.

И были на пути у них гольцы – сухие безлесные горы с шапками осыпей из обломков горных пород, чёрные и неприятные, а вокруг них бескрайняя зелёная тайга. На сотни километров тянутся через долины и сопки лесные дебри, и нет в них ни человеческого жилья, ни даже следа человека. Лишь звериные тропы да голоса птиц напоминают там о живом мире. И кто может сказать, сколько ещё непознанных, нераскрытых тайн в этом царстве таёжной глухомани. Унылые равнины с чахлыми деревцами незаметно переходили в бесконечные болотистые мари, один подъём сменялся другим, распадки упирались в каменные осыпи. Множество речек, хотя и небольших, но очень бурных и глубоких, преграждали им дорогу. Нагромождённые водой заломы из коряг и мусора заставляли возвращаться в поисках обходных дорог. Рождённые ураганами буреломы вынуждали карабкаться по стволам деревьев, нагромождённых один на другой крест-накрест. Непроходимые заросли молодой лиственницы заставляли пробиваться напролом через цепкую чащу. Их преследовал беспощадный, бешеный гнус. Тучи его гудели вокруг голов, липли к рукам, набивались за ворот рубах, от которых остались одни лохмотья. Мошка лезла в глаза и рот, затрудняла дыханье. И постоянно мучил голод. Они уже и не помнили, когда кончились запасы сухарей, накопленные многими месяцами для побега. Чувство голода давно уже притупилось, стало привычным. Вернее, от него осталась лишь тупая, ноющая боль в желудке. Корневища и луковицы трав и растений, ягоды и грибы, всякая мелкая живность, если только её удавалось поймать, уже не утоляли чувство голода. Без огня не было возможности ни обогреться, ни обсушиться. Чувство времени утрачено – никто не мог точно сказать, сколько они в пути – месяц, два или дольше. В помутневшем рассудке возникали галлюцинации, в глазах цветная рябь, и всё вокруг качалось. Тело протестовало против любого движения, и только голод и подсознательное желание выжить гнали их вперёд.

Истощённые и обессиленные, измученные и безмерно уставшие, они уже не помнили, когда останавливались на ночь и когда снова пускались в путь. Шли, не разбирая времени, и ночью, и днём, отдыхая там, где падали, и тащились вперёд, когда угасавшая в них жизнь вспыхивала снова. Тащились вперёд, хотя и неизвестно куда. Да и всё равно было куда идти, лишь бы по ровному месту, потому что человеческим силам приходил конец.

И вот, покачиваясь и отступаясь, падая и помогая подняться упавшим, поддерживая и подталкивая друг друга, они вскарабкались на невысокую вершину гряды и вышли на небольшое плато, оканчивающееся крутым, отвесным обрывом. Сил, чтобы обойти плато и найти пологий спуск, не оставалось. Упали тут же, кто где стоял, и забылись в обморочном сне.

Очнувшись уже на исходе дня. Солнце неудержимо катилось к горизонту, на востоке начинал сгущаться тёмно-сиреневый сумрак вечера, побагровело над головой высокое небо. На вершинах сопкок гасли последние отсветы вечерних лучей солнца. Утихали голоса лесных обитателей. Жизнь замирала и превращалась в огромное безмолвие. Именно в такие минуты вспоминается домашний очаг, родные и близкие, да порой наваливается необъяснимая тоска.

Все четверо молчали, так как думали об одном и том же. Об этом было оговорено там, ещё на месте, перед побегом. Все легко согласились, потому что никто в это не верил. Не верили, что это может случиться. И вот настал час, когда во имя спасения остальных одним надо было пожертвовать.

Так было всегда! Уходя в побег, брали с собой лишнего. Расчёт простой – повезёт, живи. Если нет – не обесудь. Знал, на что шёл. Но не было в этот раз запасного. И вопрос – кто? – решил жребий. Тот, на кого пал выбор, принял это спокойно. Он, как и все его товарищи, давно смирился с неотвратимостью смерти. Тем более, что страх голодной смерти превышает любой другой страх, даже насильственной. Единственное, о чём он попросил – попрощаться с жизнью и встретить рассвет.

На краю обрыва лежал огромный ствол дерева. На-

половину свесившись, он каким-то чудом держался вывороченными корневищами за камни. Было очевидно, что любой порыв ветра достаточной силы легко мог сбросить его вниз. Обречённый на смерть, в то время как его товарищи забылись в голодном беспамьятстве, подполз к краю обрыва, прислонился к дереву и так просидел всю ночь.

Наступил рассвет. Из-за ломанной туманной линии далёких хребтов брызнуло солнце. Лес начинал пробуждаться. Посвистывали бурундуки, шмыгая по толстым, замшелым валежинам. Где-то в гуще ветвей порхали и с отчаянным писком дрались синицы. Отовсюду слышался дробный стук – это вышли на кормёжку дятлы, неподалёку назойливо стрекотали кедровки – неизменные спутницы крупного зверя, говорливо булькала вода неутомимо пробивающегося наружу родничка.

Внизу лежало бескрайнее море тайги. До самых синих хребтов, залитых лучами утреннего солнца, простирались увалы, покрытые сплошными зарослями смешанного леса. Над ними плавала тонкая, почти прозрачная пелена утреннего тумана. Среди тёмно-зелёной массы леса серебрилась узкая полоска воды. Зачарованный голосами просыпающегося леса, девственностью и величием тайги, он отвлёкся от мыслей о неизбежном конце, вслушиваясь в каждый новый появляющийся звук. И вдруг, к всплескам воды играющего родничка добавилось лёгкое похрюкивание, скорее напоминающее предупреждающее рычание собак. Перегнувшись через край обрыва, он увидел внизу небольшое стадо невысоких, но коренастых светло-серых животных.

Это были кабаны. Какую-то долю секунды он с жадным любопытством смотрел на них. На вид неуклюжие, большеголовые, но необыкновенно подвижные звери деловито перепаживали острыми мордами с эмалевыми клыками по бокам сырую почву около источника в поисках корневищ осоки и луковиц хвоща. Между двумя подсвинками, находящимися прямо под ним, завязалась драка из-за добычи. Вокруг них начали собираться и другие.

– А вот и еда, – вяло подумал он, и в этот же миг яркой вспышкой в сознании родилась несвязная мысль: – Дерево! Звери! Вниз! Столкнуть вниз дерево на зверей!

Откинувшись назад, он закрыл глаза и бесконечно бережно собрал все свои силы. Сделав мучительное усилие, стараясь не производить шума, он перевалился через ствол, стал на колени, упёрся руками и головой в дерево и медленно нажал. Сердце бешено заколотилось, лоб сдавило словно железным обручем, в глазах потемнело. И вдруг волна страха охватила и потрясла его: – А если мимо?! – и, от отчаяния приходя в бешенство, он из последних сил толкнул орудие спасения вниз.

Будто могучая волна, поднятая ураганом, покатила по траве – кабаны кинулись врассыпную. Ещё не умолкло эхо от удара о землю, а их уже и след простыл. Под упавшим стволом дерева продолжали вздрагивать в предсмертных конвульсиях сухие длинные ноги, заканчивающиеся острыми, как отшлифованный кремний, широко раздвоенными копытцами.

А человек лежал на спине, широко раскинув руки, словно обнимая небо, солнце, весь мир, и думал, как вернётся сюда непременно, с очень большим крестом из металла, как установит его здесь в память о своём спасении, в благодарность Богу за Его милосердие.

Дмитрий СОСНОВ,

г. Омск

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Чуть зашумел весенний первый дождь
И во дворе листвой запахло прелой.
Задумался о том, что не вернёшь
Священно-нежной милостью апреля.

О том, что, видно, мне не быть с тобой,
А быть – душою всею – так хотелось...
– Ну что ж, апрель, прощанье с милой пой! –
На эту просьбу отыщу я смелость.

Я честен пред любовью и судьбой...
Играй дождём, что скрыть поможет слёзы...
Поэзией венчались мы с тобой,
А развела нас жизненная проза.

Владимир ЛЮКОВ,

г. Москва

МНОГО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В Переделкино на танцы
Собиралась вся округа.
Возрастали в танцах шансы
Молодым найти друг друга.
Здесь невест разнообразие –
Запах простеньких духов,
Но, такое безобразие,
Не хватало женихов.
Вы, девчонки, не грустите,
Ведь не ваша в том вина.
В этом страшном дефиците
Виновата лишь война.
Вы танцуете друг с другом,
Не хватает всем ребят.
Это было всё, подруги,
Много лет тому назад.
Вот на эту танцплощадку
Заглянул раз морячок.
Видно, прибыл в отпуск краткий,
На груди блестит значок.
Он вернулся из похода,
Обошёл он все моря.
Позади четыре года,
Рейды, вахты, якоря.
А у девушки, у Вали,
Закружилась голова.
И нужны теперь, едва ли,
Тут какие-то слова.
Целый вечер танцевала
Валя только с морячком,
Даже имени не знала,
Знала только-это ОН.
Их судьба соединила,
Так в народе говорят.
В вихре вальса закружила
Много лет тому назад.
В Переделкино на танцы
Собирается народ.
А от лодочной, от станции,
Тихо лодочка плывёт

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
  2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
  3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
  4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
  5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
  6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные отписки **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2012 ГОД

	полгода	год
«Литературный меридиан»	300 руб.	500 руб.
«Литературный меридиан» + газета «Былина»	320 руб.	520 руб.
газета «Былина»	150 руб.	300 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу издания:

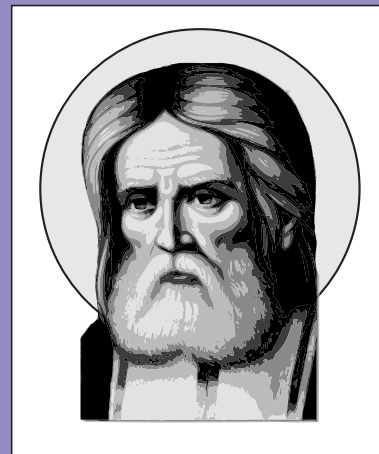
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся **НЕ НЕСЕТ**.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенно вожделев, непрестанною
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, с. Чугуевка

Автор фотографии – Владимир ТЫЦКИХ, г. Владивосток